

Олег РОЙ

На что
способен ты,
когда
страшно?

СТРАХ

книга вторая

Числа зверя и человека

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Олег Юрьевич Рой
Страх. Книга вторая.
Числа зверя и человека
Серия «Мистика судьбы. Проза О. Роя»
Серия «Страх», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11665710

О. Рой. Страх. Книга вторая. Числа зверя и человека: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-04-184759-3

Аннотация

В каждом человеке есть и Бог, и дьявол, но все зло, равно как и все добро в мире, происходит от рук людей, от их помыслов и деяний. Словом, от того, какую роль для себя они выбрали – дьявола или Бога.

Какую роль выбрал для себя Лев Ройзельман, блистательный ученый, всегдашний конкурент Алекса Кмоторовича? Лев предложил решить проблему деторождения, создав специальный аппарат по вынашиванию детей. Множество семей оказались благодаря нему счастливы. И не важно, что каждое вынашивание оборачивалось для женщин потерей конечности! Жертвенность – безусловная черта всякой матери! Феликсу Заряничу и его друзьям удалось выяснить, с чем связана генетическая мутация,

охватившая весь мир, и понять, какова главная идея Льва Ройзельмана.

Содержание

Глава 1. Дорогие люди	6
Глава 2. Жертвоприношение: донация[2]	41
Глава 3. Жертвоприношение: акцепция[3]	64
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Олег Рой
Страх. Книга вторая.
Числа зверя и человека

© Резепкин О., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

Глава 1. Дорогие люди

15.12.2042. Город.

ЖК «Европа». Валентин

Я счастлив, моя жизнь наконец-то вошла в правильную колею. Все хорошо, и я счастлив.

Счастлив?

Еще неделю назад это было правдой, еще неделю назад я был счастлив целиком и полностью – я точно это знаю. А с тех пор, кажется, ничего не изменилось. Кажется! Только кажется, и только потому, что я – человек спокойный, по крайней мере – неконфликтный. Всего неделю назад я был счастлив. Но сейчас... сейчас меня словно лихорадит. Трясет. Я и сам не знаю, чего хочу. Чувствую себя полностью потерянным и опустошенным.

На первый взгляд все как раньше, все хорошо. У нас с Жанной прекрасная семья. Комфорт, покой и все радости жизни. Но место, которое занимала в моей душе Ника, не занято. Возможно, я поступаю глупо, ищущу добра от добра, вот только мне действительно не хватает того, что было при ней.

И... я больше не пишу музыку. Ноты разбегаются, воображение не желает отправляться в свободный полет, мелодии, даже если и рождаются, тут же исчезают, не задерживаясь у меня в памяти. Я совершенно пуст творчески. Может,

поэтому меня так и бросает в крайности? Просто лихорадит, швыряет из огня в полымя. Я мучаю себя, мучаю окружающих и никак не могу успокоиться.

Вероника не отпускает меня. Просто наваждение какое-то. Она снится мне, ее образ чудится среди набросков и записей на компьютере, иногда она просто возникает перед моим внутренним взором возле рояля в гостиной, на тахте в позе одалиски, даже на кухне. Я долго сдерживал себя, но потом, не выдержав, начал пересматривать ее концерты. Она играла то, что я написал. Боже мой, внезапно понял я, когда мы еще не были близки, она смотрела на меня с тем же обожанием, что и Жанна. Вот только для Жанны мне не хочется писать ничего, даже простой струнный квартет.

Да и характер Жанны всего за неделю изменился разительно. Нет-нет, она по-прежнему корректна со мной и не закатывает истерики – она не Ника. Но теперь она чувствует себя полновластной хозяйкой положения. А я со всей ясностью вижу, что я для нее пустое место. Обстоятельство, с которым ничего нельзя поделать, только терпеть. Не знаю даже, что хуже – обратившаяся в ненависть любовь Вероники или нынешнее небрежное равнодушие Жанны.

Я, как могу, стараюсь бороться с собой, но могу плохо, ничего не выходит. Я убеждаю себя, что Жанна беззащитна, что она доверилась мне, что ей сейчас очень трудно. Но тут же понимаю, что все гораздо проще и страшнее. Жанна просто использует меня, считая при этом, что отработывает

свой долг – детьми, постелью, вкусной домашней пищей. Парадоксально, но Ника никогда так меня не использовала до того, как забеременела. Да и тогда не использовала. Срывала на мне свое раздражение – да, но не использовала. Вероятно, и в раздражении ее, в ее агрессивности виноват я сам, ведь я проигнорировал ее мнение. Наверное, нам надо было действительно повременить с этой беременностью...

И что же мне теперь делать? Я сам погубил свою жизнь, сам стал могильщиком своего счастья. Можно все валить на Нику, на комету, на разные обстоятельства, хоть на черта с рогами – но от этого не легче, этим ничего не исправишь. Самообман никогда не срабатывает, не приближает к желаемому, потому что, обманывая себя, ты все равно прекрасно знаешь, что это обман. Я оказался распятым между двумя женщинами и не был уверен, что хоть одна из них меня любит.

С какого-то момента это стало просто невыносимо. Порой я ловлю себя на том, что чувствую отвращение к Жанне и ее громоздким АР¹. Да, я знал, что там растут наши дети, но...

Я ведь видел ее отношение ко всему этому, и оно было совершенно не таким, как ко мне. К этим уродливым стальным тубусам Жанна относилась с настоящей нежностью. С настоящей любовью, это точно. А ко мне отправлялась лишь их имитация. Я – слепец! Почему я не видел этого притвор-

---

¹ Аппарат Ройзельмана – громоздкие овальные тубусы, охватывающие конечность и фиксирующиеся на груди или бедрах специальным каркасом.

ства с самого начала?

И вдобавок Вероника, которая, кажется, остается везде, мне некуда от нее деться. Наверно, я действительно был слеп, а теперь прозрел, другого объяснения у меня просто нет.

Постепенно я, как это ни ужасно, стал обращаться к Жанне холодно, почти грубо, что никогда не позволил бы себе по отношению к Нике. И... и ничего не изменилось. Жанна не взбунтовалась, не встала на дыбы, не обиделась. Она приняла мою грубость с обычной покорностью. Но эта покорность страшно далека от любви. Жанне просто все равно. Я стал чувствовать себя квартирантом в собственном доме. И тогда я уходил, и до изнеможения слушал игру Вероники, и плакал. Плакал о том, что я, быть может, в своей жизни имел не слишком много, но потерял – все. Все. Ничего не осталось. Со стороны кажется, что я многое обрел – почтительную жену, например, а в скором времени буду отцом двух детей. Но я-то знаю, что не получил ничего. Потому что ничего этого мне не нужно.

Вероника с какого-то момента превратилась в навязчивую идею, от которой я никак не мог избавиться.

Да и хотел ли?

15.12.2042. Город.

Дом Анны. Феликс

Надо мной висело хмурое небо. Такое, какое бывает толь-

ко поздней осенью или даже, скорее, зимой. Такой, как в наших краях, – практически бесснежной. И одинокая колокольня, подпиравшая низкие свинцовые тучи, была совершенно черная. И совершенно незнакомая. Никогда ее не видел. Ни в жизни, ни в кино, ни на картинках. Классическая готика: щедро украшенные горгульями и химерами фасады, углы подперты массивными контрфорсами и увенчаны навесными бойницами-машикулями, напоминающими грибы-паразиты на древесном стволе. Торчащая почти над моей головой крыша просела, даже, кажется, провалилась. Колокол там, однако, был – одинокий, даже с виду тяжелый, очень крупный. Я никогда такого большого колокола не видел. Он казался большим даже отсюда, снизу, хотя до него было метров с полсотни. Небось вблизи вообще монстр в три человеческих роста и весь, наверное, разукрашен литыми надписями и узорами. Но карабкаться с риском свернуть шею на ветхую башню для изучения старинного артефакта совсем не хотелось. Не стоит того этот артефакт. Я не историк, извините.

Пока я, задрав голову, пялился на мрачную черную башню, колокол внезапно принялся медленно и тяжело раскачиваться, несмотря на полное, казалось бы, безветрие. Или это внизу тихо, а наверху дует? Но какой ветер смог бы раскачать такую громадину? Ураган, не меньше. Вверху ураган, а внизу штиль? Так не бывает. Колокол, однако, продолжал раскачиваться – мерно и словно бы с неохотой.

– Все правильно, – решил я. – В такой башне звонарем может быть только призрак, – и тут, поверх моего невнятного бормотания, раздался первый удар. Низкий, тяжелый...

БОМ!

Голова отозвалась болью, я инстинктивно зажал уши ладонями, хотя это, разумеется, не помогло. Зажмешь тут!

БОМ!

Да что же это за напасть?!

Перед глазами поплыли, качаясь в такт колоколу, радужные пятна. Я выругался и хотел было подальше уйти от черной башни, но не тут-то было. Ноги не то вросли в землю, не то вовсе окаменели.

БОМ!

Господи, пусть это прекратится, пожалуйста! Ну, пожалуйста!..

Я сделал над собой усилие, пытаясь сдвинуться с места, и... открыл глаза. И тут же закрыл – так больно резанул по ним блеклый свет ночника.

БОМ!

Вот черт, а сон-то продолжался! Я вновь открыл глаза, на сей раз окончательно. Голова казалась тем самым колоколом, во рту... черт его знает, будто верблюжью колючку жевал, тело ломило и крутило. В общем, хотелось только одного: закрыть опять глаза и умереть.

БОМ!

Проснувшись (но не очнувшись) окончательно, я уставил-

ся на источник убивающего меня звука. Им, разумеется, оказался мой собственный коммуникатор, который из всех доступных ему в облаках рингтонов с какого-то перепугу выбрал пожарный набат. Выругавшись сквозь зубы, я схватил трубку.

– Феликс Зарянич? – спросил незнакомый и чрезвычайно официальный голос. Спросил слишком громко для моей бедной больной головы.

Определенно, вчера мы с Максом подошли к отдыху максимально серьезно. Я попытался улыбнуться невзначай выскочившему каламбуру, но лучше бы я этого не делал. О ч-ч-черт! И ведь сам-то Макс, этот вечный счастливчик, наверняка сейчас себя чувствует превосходно. Не бывает у него похмелья. Ненавижу!

– Говорите тише, – невольно вырвалось у меня. – Да, я Феликс. Кто вы?

– Дежурный реанимационного отделения городской клиники.

Меня прошиб холодный пот. И уже не от похмелья. Я даже про головную боль забыл. Словно этот дурацкий кошмарный сон был не дурацким, а вещим.

– Вам знакома Рита Залинская? – чуть тише спросил голос.

– Да, – выдавил я. – Это моя девушка, – сказал я, холодея. – Что с ней?

В голосе прорезалось профессиональное сочувствие. Пле-

вать ему было и на Риту, и на меня, но их так тренируют: с близкими разговаривать мягко. Хотя, может, мне все мерещится.

– Ее доставили вчера вечером после автомобильной аварии.

Это что, выходит, когда мы с Максом пили пиво, Рита истекала кровью?!

В моем больном мозгу пронесся бешеным галопом эскадрон виноватых мыслей, и каждая успевала стегнуть меня нагайкой. Ты скотина, Феликс! Бездушная, равнодушная скотина! А что, если Рита попала в аварию из-за меня? Ведь именно из-за меня она вчера всплыла. Разве можно было в таком состоянии за руль садиться?

Секундная самоэкзекуция заставила меня выдать главный вопрос:

– Как она?

– Состояние стабильно-тяжелое, жизнь сейчас вне опасности. Но есть некоторые нюансы, которые нам следует обсудить. И чем быстрее, тем лучше.

Нет, никакого сочувствия в голосе не было, ни профессионального, ни тем более обычного человеческого. Человек просто на работе.

– Как вас най... – начал было я и осекся. – Тьфу, я же знаю, это первая реанимация, да?

– Именно. Подойдете в регистратуру и...

– Я знаю. Я работаю у профессора Кмоторовича, коллега.

Скоро буду.

– Удачно добаться, – ответил коллега, прежде чем я нажал отбой.

Вот зачем я ему стал докладывать про то, что у Алекса работаю? Разве это имеет сейчас хоть какое-то значение? Значение имеет то, как я туда добираться стану. И побыстрее. Я посмотрел на часы – начало шестого. По такому случаю можно было бы растолкать Макса, но сейчас у него в крови алкоголь, а мне совершенно не хотелось бы конфликтов с дорожной полицией. По той же причине не мог воспользоваться его «кубиком» я сам.

Я достал портмоне и пересчитал наличность. Негусто. Нет, пивом меня вчера угощал Макс, так что особо сильно я не тратился, но что толку. Все равно на такси хватало только в один конец. Да и ладно – обратно как-нибудь доберусь. Не первый раз с работы домой пешком хожу. Или вообще заночую в лаборатории, кстати, у меня там еще вчерашние бутерброды лежат...

О чем ты думаешь, скотина бездушная, мысленно одернул я себя. Там Рита кровью истекает, а ты о жратве. Меня замутило.

Я прекрасно понимал, что такое реанимация, так что никакой кровью, положим, Рита уже не истекала, да и доставили ее еще вчера. Господи, только бы у нее не было чего-то такого... такого... В аварии ведь можно обгореть, лишиться рук, ног, глаз...

Тогда я ее точно не брошу, почему-то подумал я, хотя речь о совместной жизни у нас с Ритой никогда не заходила. Ни за что не брошу, что бы с ней ни случилось, в каком бы состоянии она ни была.

На ходу натягивая старенькое, купленное еще в университетские времена пальто, заматывая шею кашне, я спустился на первый этаж. Ни Анны, ни Макса не было видно. Анна в последнее время почти не выходила из своей комнаты – видно, чувствовала себя не лучшим образом. Ну а Макс, вероятно, беззаботно дрых после нашего вчерашнего «заплыва».

Выскочив из дома (хорошо хоть, ботинки надеть не забыл и дверь входную запер, вот какой молодец), я торопливо побежал к стоянке такси, чтобы не платить дополнительно за вызов.

То, что нужно было что-то делать – одеваться, обуваться, бежать, ловить такси, – немного разгоняло ледяной холод, стягивавший внутренности, немного помогало справиться с тяжелым давящим страхом. Но помогало не слишком успешно.

15.12.2042. Город.

Дом Анны. Макс

Разбудил меня Феликс, которому с утра пораньше приспичило куда-то усвистать. Возможно, ему самому казалось, что он двигается тише мыши, но на самом деле шума он производил вполне достаточно, чтобы перебудить весь квартал.

Ну ладно, не квартал, но мне точно хватило.

Взглянув на часы, я лениво потянулся. Рань несусветная. А у меня, между прочим, выходной. Второй подряд, перед этим я больше недели работал без продыху. Причем неделька выдалась та еще, каждый день по два-три происшествия. Не мелких вроде застрявших на дереве кошек или тлеющих мусорных баков, а вполне серьезных.

Но, надо сказать, в нашем-то городе еще по сути тишь да гладь. Если смотреть на общем фоне. Мир, по-моему, сошел с ума: только и слышишь про пожары, взрывы на химических производствах (страшный сон любого спасателя), захват заложников. А уж похищение детей и женщин начинает превращаться во всепланетную эпидемию, права вчера была Рита.

Я потянулся поосновательнее, чтоб все мышцы и косточки захрустели. Куда, в самом деле, Феликса понесло? Небось, побежал в свою лабораторию, проверять осевшую идею во сне очередную гениальную идею по спасению человечества. Признаться, я не слишком верю в его чаяния. Надежды Феликса кажутся мне воздушными замками. Не то чтобы я сомневался в его личных способностях, нет-нет, Феликс очень талантлив, только сам себя недооценивает. Просто мне думается, что никто не способен единолично повернуть маховик истории. Когда завершилась эпоха глобальных завоеваний, тогда же закончилось и время гениальных одиночек. Да-да, именно так я и думаю, несмотря на то что из каж-

дого утюга несется осанна Великому Ройзельману, Спасителю Человечества. Ну-ну. Во-первых, за этим чертовым Ройзельманом стоит вся финансовая (и черт знает какая еще) мощь корпорации Фишера. Во-вторых, вся эта история кажется мне какой-то мутной. Сомнительной. Ну в самом деле: человечеству грозит вымирание, и вдруг является гений, у которого в кармане спасительный рецепт. Прямо рояль в кустах. Все, конечно, бывает, но не просто же так мама ненавидит всю эту компашку. Да и моя профессия отучает верить в чудеса. Спасатель – человек сугубо практический. Так что сам я, разумеется, и в мыслях ни на какие спасения человечества не замахиваюсь, я до глубины души счастлив, когда удастся спасти хотя бы одну человеческую жизнь. Это, поверьте, очень много – человеческая жизнь. Каждая.

За окном серели по-зимнему мрачные предутренние сумерки. Может, еще подремать? Спешить-то все равно некуда. Но, с другой стороны, раз уж проснулся (а пока размышлял о судьбах человечества, проснулся окончательно), надо, пожалуй, подниматься.

Принимая душ, я раздумывал над тем, куда же все-таки в такую-то рань понесло Феликса. Все-таки вчера он, как ни крути, перебрал, должен бы дрыхнуть без задних ног, а не в лабораторию бежать. Но других вариантов вроде нет, значит – туда, наверстывать упущенное вчера. Он же фанат-трудоголик! Еще один вариант – ранний звонок Риты, внезапно осознавшей, что... Ну что-нибудь осознавшей и решившей с

утра пораньше помириться. Но это маловероятный вариант, практически из разряда ненаучной фантастики. Понаблюдав вчера за этой парочкой, я не заметил там никаких особенно высоких чувств. А жаль, кстати. Мне бы хотелось, чтобы Феликс, наконец, нашел свое счастье, обрел родного человека. Он этого заслуживает. Особенно если вспомнить его детство, о котором он не очень-то любит распространяться. Хорошо бы ему – как бы в компенсацию – толику человеческого тепла. А то сплошная работа у парня и никакой личной жизни.

На себя посмотри, ехидно фыркнул внутренний скептик. Велев ему заткнуться, ибо нечего чушь молоть, я решил сегодня же позвонить Терезе из клиники. А пока недурственно было бы перекусить или хотя бы выпить кофе. Организм-то действительно проснулся и настоятельно требовал калорий.

Неторопливо спустившись на кухню, я полез в холодильник... и насторожился.

Вчера, перед тем как ехать на встречу с Феликсом, я сделал лазанью – чтобы утром не возиться. И, естественно, сунул в холодильник. И кулинарный мой шедевр так и стоял там нетронутый. Ну Феликс умчался, не позавтракав, – это нормально. А вот мама, похоже, вчера опять не ужинала – это уже хуже. Она вообще хуже есть стала в последнее время. Пора брать дело в свои руки. Если не удастся запихать ее в клинику на предмет обследоваться (а в идеале – подлечиться), то хотя бы проконтролировать ее рацион. Нет аппе-

тита – это, знаете ли, не довод. Как маленькая, честное слово. Придется, похоже, стоять над душой и требовать, чтобы ела как следует.

Я включил кофейник и разогрел два куска лазаньи. Свою порцию я с аппетитом приговорил, пока грелась вторая, потом налил кофе и, загрузив завтрак на поднос, отправился к маме...

Она лежала на кровати как-то криво, неловко, бессильно свесив руку...

Но дышала! Дышала! Тяжело – так что от двери было слышно, но – дышала!

Сунув на столик ненужный уже поднос, я кинулся к кровати.

Моих познаний хватило на предварительный диагноз – вероятнее всего, инсульт, и, похоже, обширный.

Вызвав «Скорую», я переложил маму так, как предписывала инструкция по оказанию первой помощи. В некотором смысле ей повезло, что она не поужинала.

Ну где же эти чертовы медики?! Я клял нерасторопность «Скорой» (тоже мне, скорая, черепахи они, а не скорые!), клял дорожные пробки (хотя в последнее время их стало гораздо меньше, да и время еще не пиковое) и уж вовсе на чем свет стоит клял себя за нашу с Феликсом вчерашнюю вечеринку. Но разве угадаешь... Оставалось надеяться, что еще не слишком поздно.

Реанимационная бригада приехала быстро (это только

мне казалось, что прошло какое-то безумное количество времени), оснащенная всем необходимым, включая портативный томограф, так что клиническая картина стала ясна уже по дороге в больницу.

Проблемы с давлением вообще и головными болями в частности у мамы были всегда, сколько себя помню. Она говорила, что это последствия той аварии (наверное, так оно и было), а я просто принимал ситуацию как данность. Ну радовался, что мама старается вести здоровый образ жизни – при сосудистых проблемах первое дело. Иначе, конечно, все могло случиться гораздо раньше. Но... могло не могло, а сегодня есть сегодня.

В машине мама пришла в себя. Она даже попыталась заговорить, но язык ее почти не слушался. Равно как и тело. В общем, картина вырисовывалась совсем невеселая.

Пожилой реаниматолог, увы, лишь подтвердил мне мои собственные умозаключения:

– Мы, конечно, по максимуму восстановим кровообращение, но, как видите, серьезно поражены двигательные центры, и не только они. Счастье, что до дыхательных не дошло. Пока не дошло. При таком масштабе и локализации поражений оперативное вмешательство бессмысленно, нейрохирургия тут ничего не сделает. Только терапевтические методы. Ну, посмотрим... Лишнего веса нет – это огромный плюс. И сердце практически здоровое. Ваша мама, очевидно, тщательно следила за собой. Но... Инсульт может слу-

читься даже у двадцатилетних здоровяков, а в этом случае... Старая травма – она ведь, судя по записям, тяжело пострадала в автомобильной аварии? – старая травма головы может проявить себя спустя десятилетия. Даже прогноз сейчас не берусь давать. Конечно, всегда надо надеяться на лучшее и, если произойдет чудо, впоследствии придется постоянно держать ее на жестком гемостатическом курсе. Ну и реабилитационная терапия, само собой.

Усевшись на подоконник напротив двери в мамину палату (там обнадеживающе светились мониторы и мигали датчики системы жизнеобеспечения), я – впервые в жизни – почувствовал себя бессильным. Я не мог помочь. Я ничего не мог. Как налысо остриженный Самсон.

Мама... Это как воздух, наверное: пока дышишь, не замечаешь, что он есть. Но когда становится нечего вдохнуть... Я всегда был очень самостоятельным, даже когда был ребенком. Я, казалось бы, никогда не нуждался ни в какой поддержке. Но теперь мой мир – я никогда, никогда не задумывался, какую роль в нем играет мама, – мой мир внезапно начал превращаться в безвоздушное пространство. Дышать еще было можно, но я словно бы видел, как воздуха в мире становится все меньше и меньше...

Разве можно жить, если нечем дышать?

«Но Феликс ведь как-то живет, – отстраненно подумал я. – А он вообще не помнит своей матери, словно ее никогда не было. И живет. Вроде бы я всегда это знал, но сейчас осо-

знание было острым, как...»

...как внезапный телефонный звонок.

Феликс – сияло на экране коммуникатора над привычным предложением: принять вызов?

15.12.2042.

Городок Корпорации. Ойген

С утра меня вызвал к себе Ройзельман.

После нашего маленького и, не скрою, весьма приятного приключения с Эдит мы не застали шефа на месте. Куда-то его унесло. Очень странно: обычно Ройзельман находится в городке практически безвыездно. Я понимал, что его передвижения – вне моей компетенции, он сам себе хозяин, а я только слуга, слугам не докладывают. Но все же встревожился. Как встревожился бы от любого нарушения привычного хода вещей. Только почему-то сильнее.

Моя же свежобретенная любовница уехала домой, ничуть, похоже, не переживая. Я поймал себя на мысли, что совсем ничего о ней не знаю, хотя знакомы мы уже давно. В Корпорации с этим было строго. Ничего личного, только служебные контакты. У Эдит могло быть трое мужей и пятеро детей – или наоборот, – но я мог лишь строить на этот счет предположения разной степени правдоподобности. Спросить? Ну-ну. Все равно ведь ничего не скажет, зато уж язвить будет непременно.

Ну да черт с ней, с Эдит, она-то в любом случае выкрутит-

ся. О себе нужно думать. Мало мне внезапного отсутствия Ройзельмана на месте (не к добру это, ох, не к добру), так еще этот вызов с утра пораньше. И вряд ли – чтобы наградить орденом. Наоборот – куда вероятнее.

В общем, направляясь к шефу, я понимал, что в меня полетят все на свете шишки, а зная Ройзельмана, мог быть заранее уверен, что каждая из этих шишек будет начинена не менее чем полутысячей фунтов напалма. Ну или гексогена. Если все обойдется банальным навозом, я могу считать, что мне повезло. Отмоюсь, не привыкать.

Шеф сидел в кабинете, в неизменном строгом костюме. На столе стояла чашечка кофе, к которой, по всей вероятности, не притрагивались. Смотрел он на меня, но казалось – сквозь меня.

– Ойген, – начал он, привычно проигнорировав приветствие. – У меня есть своя методика работы с людьми. Я даю человеку раскрыться, проявить себя. Я не вмешиваюсь, только смотрю, пока не увижу все, что можно. И только тогда выношу суждение.

Начало было столь многообещающим, что у меня спина словно покрылась ледяной коркой. Продолжение было еще лучше:

– Я очень не люблю менять своего суждения о человеке, потому что, как правило, мало что может изменить его. Но бывают и исключения. Откровенно говоря, исключения мне не нравятся. Видишь ли, я могу позволить себе слабость при-

вязываться к некоторым людям, делать их своими фаворитами и в некотором смысле доверять им.

Первая моя мысль была панической – он узнал о моих приключениях с его конкубиной. Вторая странной: такое доверие, пожалуй, страшнее любой опалы. В голосе Ройзельмана не было ни гнева, ни раздражения, ни даже презрения. Полное равнодушие. Почему-то вспомнилась старинная китайская казнь, о которой я где-то когда-то читал, – перепиливание тупой пилой. Помню, читая, я очень хорошо представил себе эту пилу – гнутая, с обломанными зубьями и непременно ржавая.

– Возможно, тебе кажется, – все тем же равнодушным голосом продолжал Ройзельман, – что твое недавнее перемещение в нашей иерархии было понижением. Формально – да, фактически же я доверил тебе даже больше, чем раньше. Ты отвечаешь за брюхо нашей корпорации. Не прикрытое ничем нежное, беззащитное брюхо. Поэтому я хочу пояснить тебе одну вещь. Возможно, ты и сам ее прекрасно знаешь, но...

Шеф все-таки взял чашечку.

У него были длинные тонкие пальцы с ровными, почти овальными ногтями. Кажется, такие ногти называют миндалевидными. Господи, о чем я думаю?!

Едва пригубив кофе, Ройзельман поставил чашечку на стол. Все его движения были безукоризненно точными, как у автомата. Это внушало безотчетный, атавистический страх, гораздо более сильный, чем если бы вместо шефа в кабинете

оказался вдруг голодный саблезубый тигр.

Пауза казалась бесконечной.

– ...но твои действия заставляют меня сомневаться в этом.

Тон шефа оставался ровным, в словах тоже не было ничего угрожающего. Наверное, таким тоном японские сёгуны беседуют с проштрафившимися самураями, прежде чем отдать приказ о совершении сеппуку.

Скорей бы уж. Страх, как ни глупо это звучит, страшная вещь. Он сам по себе гораздо страшнее того, что его вызывает. Вот сейчас, к примеру. Боюсь ли я, что шеф меня уничтожит? Да. Но еще хуже – ожидание этого. Кажется, я сейчас даже сеппуку не смог бы совершить – просто не хватило бы сил шевельнуться, все тело превратилось в какое-то безвольное, дрожащее желе.

– Формально я подчиняюсь Фишеру, – с тем же безразличием говорил Ройзельман. – Он уже давно витает в облаках, не вникает ни во что и лишь снимает сливки с наших операций. Поэтому он считает, что наличие денег и тот факт, что он формально мой наниматель, ибо платит за мои услуги, что эти обстоятельства делают его хозяином положения. Но настоящим хозяином... – Ройзельман встал.

Я редко видел его стоящим. Быть может, потому что он слегка сутулился и то ли вертикальное положение было для него неудобным, то ли он стеснялся своей согнутости. Хотя мне трудно представить, чтобы Ройзельман чего-то стеснял-

ся.

– ...настоящим хозяином человека делают не деньги и даже не власть. – Он медленно подходил ко мне, и казалось, в кабинете становится темнее, хотя за окном было все то же по-зимнему пасмурное утро. – Ты боишься, Ойген. – Он остановился в паре шагов и смотрел на меня с искренним любопытством, как ребенок, впервые увидевший ползущего жука.

Я кивнул – было бы глупо отрицать очевидное.

– Ничего, все люди боятся. Именно страх делает человека человеком. Перефразируя Рене Декарта, человек боится – значит, человек существует. Страх и жизнь практически неразделимы. Вернее, жизнь – это и есть страх. Чего ты боишься?

Его вопрос прозвучал как удар хлыста, хотя тон не изменился ни на йоту. И ответил я предельно откровенно:

– Боюсь утратить ваше доверие.

Он улыбнулся. Как обычно – едва заметно.

– Правильно. Но к этому мы еще вернемся. Ты читал Библию?

Наверно, если бы этот же вопрос мне задала умирающая от СПИДа порнозвезда, я удивился бы не меньше.

– Нет. Мой отец считал, что это – пустое занятие для баб и тупиц. А в институте у меня были другие интересы. Да и после как-то не пришлось.

– Напрасно. Чтобы читать Библию, не обязательно быть

истовым святошей. То же я могу сказать и про Коран, Веду, черную книгу Шандора Лавея. Чтение этих книг – способ понять человека и человечество. Жаль. Значит, ты не знаешь истины: кто чем побежден, тот тому и раб. Пьяница – раб бутылки, развратник – раб женской плоти и собственно-го вожделения, а человек – раб страха.

Он отступил на шаг и снова пристально уставился на меня.

Так художник рассматривает модель, подумал я совсем некстати. Или – скорее – так палач глядит на жертву, прикидывая, как точнее отделить голову от тела.

– Ты не можешь не бояться, – констатировал Ройзельман. – И страх дает власть над тобой. Религия, государство, рыночная экономика, армия, полиция – ни одно из человеческих учреждений не устояло бы, не будь оно сковано цементом животного страха. Помни об этом. Страх – это поводок, за который тебя держат.

– Кто? – Мой вопрос прозвучал наивно и глупо.

– Я, например. – Уголок его рта чуть дернулся в усмешке. – И для тебя же будет лучше, если этот поводок буду держать только я. «Да не будет у тебя других богов», как сказано все в той же Библии. И не потому, что я такой уж ревнитель и собственник, а ради тебя самого же.

Кажется, я понял, о чем он говорил.

– Не забывай об этом никогда. – Его тон чуть изменился, предвещая, что экзекуция движется к своему финалу. –

Не забывай. Ни когда, попивая на террасе кафе кофе по-ирландски, беседуешь с отставной балериной, ни когда ведешь машину, ни когда в извращенной форме трахаешь нашего координационного директора. – На его губах на миг вновь появилась улыбка, но тон был столь ровен, словно он не в посягательстве на его собственную любовницу меня обвинял (когда он успел узнать?), а таблицу умножения читал. – Если уж бояться, то выбирай себе достойный объект для страха.

Я кивнул. Ройзельман вернулся наконец в свое кресло.

– Следивший за вами офицер полиции выжил, – сообщил он спокойно. – Это девушка, молодая и очень амбициозная. И можно допустить, что она взяла горячий след. Пока оснований для беспокойства нет, дело сейчас находится под моим контролем. Но если тебе захочется устранить эту проблему, я не возражаю. Прекрасно понимаю, каково это – жить с нависшим над тобой дамокловым мечом.

Устранить? Интересно, в каком это смысле?

– Только прошу тебя, будь предельно аккуратен. Никаких осечек. Подставляя себя, ты и меня подставляешь. Незаменимых людей нет, но лучше обходиться без замен. Ты понимаешь?

Я тупо кивнул.

– И что ты понимаешь?

Вопрос был очень непростым. Вопреки словам Ройзельмана, я не верил в тот пассаж про наблюдение, суждение и последующее доверие. Не верил ни на йоту. Не такой он че-

ловек, чтобы доверять кому-нибудь. А он видел, что я в это не верю.

– Что я должен оправдать ваше доверие, – сказал я, ибо никакого другого ответа придумать не сумел, а затем, осмелев, добавил: – Поскольку вы и только вы мой начальник и, смею думать, мой наставник. Подставляя себя, я подставляю вас. И поэтому я должен быть чист: никаких следов, никаких свидетелей, никаких зацепок.

– Ты говоришь слишком красиво, – усмехнулся он. – Но суть уловил верно. Скажу откровенно – в тебе меня устраивает все. Кроме сказанного выше. Пока устраивает.

Я вновь кивнул, как китайский болванчик, но на душе слегка отлегло. Когда начальство вызывает тебя «на ковер» и дает взбучку, многие начинают тешить себя идеями мести, строить коварные планы шантажа, мечтать, что когда-нибудь они перепрыгнут выскочку-шефа и уж тогда... Так устроена жизнь любой компании. Почти любой. Ройзельману невозможно противостоять, его нереально шантажировать, и уж точно никто не мог бы его перепрыгнуть.

– И еще. – Он слегка нахмурился. – Умерь, пожалуйста, свои аппетиты. Слишком большое количество пропавших женщин вызывает подозрения. Ты подвергаешь себя ненужному риску. К тому же заработала наконец пенитенциарная часть нашей программы, и теперь у нас уже нет столь острой нужды в донорах. А мне бы не хотелось, чтобы твоей службой занялись всерьез правоохранительные органы. Так что

пока надо не делать лишних движений. Скоро, кстати, у тебя будет полно работы в спецблоке.

Он сделал небольшую паузу. Я молчал.

– Пока мы не имеем всей полноты власти, – сказал он, и его взгляд стал каким-то рассеянным, словно он говорил не со мной, а с каким-то невидимым собеседником. – Но мы захватываем ее, как раковая опухоль захватывает организм. Извини за сравнение, но точнее не выдумать. Наши метастазы уже везде. Они пожирают общество, клетка за клеткой, ткань за тканью, орган за органом. Только в отличие от канцера наше распространение несет жизнь и свободу. Немного терпения.

Он говорил и едва заметно улыбался.

– И какова же наша конечная цель? – отважился спросить я.

– Если искать конечную цель во всем, – сказал он, словно продолжая разговор со своим невидимым собеседником, – то конечной целью любого человека будет могила. Есть нечто большее, чем конечная цель. Хотя мало кто это понимает.

Он посмотрел прямо на меня, и я вновь почувствовал себя жуком, которого разглядывает любознательный ребенок. Сейчас мне оторвут лапки. Не со злобы, а просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Дурацкая мысль, но, зная моего шефа... вообще-то с него бы стало оторвать кому-нибудь «лапки», просто чтобы поглядеть, что из этого выйдет.

Кстати, за последние пару месяцев уже тысячи женщин сами принесли ему свои «лапки» на «отрывание». Я поежился от собственного сравнения.

– Мы все умрем, – сказал Ройзельман с каким-то мрачным удовлетворением в голосе. – Я умру, ты умрешь, наша с тобой любовница умрет, и все ее достоинства съедят могильные черви. Но пока мы живы. И пока этот прекрасный процесс не завершился, жизнь – это и есть цель. Жизнь и свобода от страха.

Холодея от собственной наглости, я едва слышно спросил:

– А чего боитесь вы?

И тут он впервые улыбнулся по-настоящему. Что это была за улыбка! Убийственная! Буквально. Если бы я был Альбрехтом Дюрером (единственный художник, чьи рисунки мне по-настоящему нравятся), я бы рисовал смерть только с лицом Ройзельмана. И смерть улыбалась бы.

– Ничего, – сообщил он с этой самой убийственной улыбкой. – Уже ничего, Ойген. Впрочем, это не имеет значения.

Уже?

Выходит, было время, когда Ройзельман чего-то боялся?

Было и прошло?

И – главный вопрос – зачем Ройзельман меня сегодня вызывал? Сообщить о том, что полицейский выжил (собственно, выжила, но это совершенно не важно), можно было и по телефону. Это полминуты. Зачем нужно было терзать меня еще час? Чтобы в очередной раз продемонстрировать по-

что божественное (или дьявольское) всевидение? Или просто для подкрепления условного рефлекса: хозяин – здесь? Или шефом двигало еще что-то, вовсе не доступное моему пониманию?

15.12.2042. Город.

Городская клиника. Феликс

Врач Риты – молодой, лет, может, на пять старше меня, шатен с водянисто-серыми глазами и совершенно не идущей ему козлиной бородкой – не понравился мне сразу. Может, потому что из-под халата посверкивал значок Корпорации на лацкане пиджака? Или усталый взгляд показался мне слишком равнодушным? Или желтые от табака пальцы раздражали?

– Ваша девушка была прекрасным водителем, – сказал он, закуривая какую-то крепкую дрянь вроде той, которой травится Рита.

– Была? – испуганно переспросил я.

– Вряд ли она когда-нибудь еще сядет за руль, – он пожал плечами, – даже при самом благоприятном исходе. Но в данном случае ее умение и реакция спасли ей жизнь.

– Что с ней? – нетерпеливо спросил я.

– В момент удара она успела сбросить ремень безопасности и открыть дверь машины с противоположной стороны. Это спасло ей жизнь и могло спасти ее вообще: удар вышвырнул ее на дорогу, так что она отделалась ушибами, сса-

динами и несколькими не особо серьезными трещинами. Но при этом она сильно ударилась головой – то ли об дверь машины, то ли о землю, она сейчас мерзлая.

Я молчал, не в силах вымолвить хоть одно слово.

– В общем – посттравматический инсульт со сложной клинической картиной. Показана нейрохирургическая операция. Дело, в общем, плохо, но не безнадежно.

– Почему же ее не оперируют? – не понял я.

– Это деликатный вопрос. – Врач выжидательно и оценивающе глядел на меня.

Я взорвался:

– Да говорите уже как есть!

– Именно поэтому я вас и вызвал, – абсолютно спокойно сообщил он. – Видите ли, у нее нет общей страховки. Только профессиональная. Страховое общество уже заявило, что данный случай не входит в рамки контракта, – госпожа Залинская находилась не на службе.

– И что это значит?

Он вздохнул:

– Это значит, что у вашей девушки нет денег, чтобы оплатить свое лечение. Стоимость операции довольно значительна. – Он назвал сумму, от которой у меня потемнело в глазах. – Плюс сопутствующие расходы: стоимость палаты, обслуживания, медикаментов, аппаратуры. Это тоже немалые деньги. И сумма все растет.

– И что же делать? – Я по-прежнему не понимал, зачем

он мне все это рассказывает. Поиздеваться, что ли? Ясно же, что у меня нет таких денег. И знакомых миллионеров – тоже нет.

– Нужную сумму, – равнодушно сообщил мой визави, – может обеспечить участие госпожи Залинской в Программе. В качестве донора.

Господи! У меня перехватило горло.

– На текущий момент однократное донорство покрывает стоимость и операции, и уже сопутствующих расходов. Но сумма постоянно растет, поэтому не советую вам тянуть с решением. Через сутки с небольшим сумма пересечет эту планку, и придется искать дополнительные средства. Это не считая того, что успех такого рода операций напрямую зависит от того, насколько быстро проведено вмешательство.

У меня все тело стало ватным, а голову словно набили колючим сеном. Что делать?! У меня же ничего нет! Совсем!

– Скажите, а если я выступлю донором?

Доктор скептически посмотрел на меня:

– Вообще-то мужской организм, как известно, для участия в Программе непригоден.

– Нет-нет, не в этом смысле. Я могу пожертвовать каким-нибудь органом...

– Органы сейчас успешно воспроизводят на 3D-принтерах, – сухо заметил мой собеседник, – а люди, потерявшие конечности, и вовсе предпочитают прекрасные киберпротезы корпорации Фишера. Зачем возиться с приживлением чу-

жой, эстетически несовершенной конечности, если можно заказать почти такую же, как была, но более надежную, пусть и неживую? Нет, господин Зарянич, вы здесь ничем не сможете помочь.

Я чувствовал себя так, словно сорвался с горы и лечу в пропасть. Но еще не упал, не разбился, значит...

– Я понимаю, вам надо подумать. Но не тяните с этим, повторяю, – сказал он, уходя. – Времени не так уж много, и оно идет.

Он ушел, а я остался торчать у дверей клиники. Без малейшей идеи в голове.

Я все еще крутил в руках коммуникатор. Коммуникатор? Но кому звонить? Макс? Да, Макс. У него, конечно, таких денег тоже нет, но, может, он что-нибудь придумает, посоветует?

Однако уже по голосу Макса стало ясно, что все еще хуже, что беда одна не ходит.

– У мамы инсульт, – сказал он вместо приветствия.

У меня в душе оборвалась последняя ниточка надежды. Теперь точно помощи не будет ниоткуда. Я один в этом мире, совершенно один.

– Макс, ты где?

– В клинике, в первой реанимации.

– Я тоже в клинике. Где точно?

– Третий этаж, бокс триста пять.

Когда я поднялся наверх, Макс сидел в палате, возле ма-

тери. Усталый, подавленный, практически раздавленный человек. Его трудно было узнать. Наверное, я просто сообразил. Не был готов к тому, что могу увидеть, слишком привык считать его неуязвимым Суперменом, которого ничто не может вышибить из седла.

– Это конец. – Голос Макса был едва слышен.

Я посмотрел на мониторы, безжалостно фиксирующие жизненные (по сути – предсмертные, томограф не обманешь) показатели Анны, и на мгновение вспомнил Алекса: кажется, я впервые почувствовал, что именно пережил мой учитель пятнадцать лет тому назад.

– Зачем ты звонил, что случилось? – Макс справлялся с эмоциями быстрее меня. Спасатель.

Думаю, меня подтолкнула именно эта мысль. Да, ясно, что грузить его еще и своей (Ритиной!) бедой было сущим эгоизмом. Но – ведь, несмотря на собственную трагедию, он вспомнил о моем звонке и...

И я выложил все, включая стоимость операции и предложенный «выход». Услышав о предложении доктора, Макс присвистнул:

– Совсем зарвались, гады. Все им мало. Любую женщину готовы искалечить, чтобы побольше хапнуть. Черт! Нейрохирургия – да, это дорого, сумму за операцию он тебе, скорее всего, правильную назвал. Черт, черт, черт! Феликс, я не знаю, где можно взять такие деньги. Мне, конечно, неплохо платят, но это несопоставимые суммы. Можно было бы про-

дать дом, но с такой срочностью... нет. Не знаю.

– Вот и я не знаю, – прошептал я, теряя последнюю надежду.

Любая идея разбивалась об очередное «но».

– Позвоню Ойгену, – решительно заявил Макс. – Может, он что-нибудь придумает, он же на эту чертову Корпорацию работает.

Душа восставала против этого решения, но что еще остается? Обратиться к Алексу? Несмотря на всю его заботу, кто ему я?

Но я позвоню и ему. Только соберусь с мыслями. Потому что это будет уже действительно последняя – самая последняя надежда. Которая тоже наверняка разобьется об очередное – последнее – «но».

15.12.2042. Город.

Мария

После смерти родителей больше всего я боялась, что сначала однажды ночью Рита не придет ночевать (такое случилось часто, и я к этому уже привыкла, как и к тому, что время от времени до нее невозможно было дозвониться), а утром мне позвонят и скажут...

Позвонили мне не утром, а только в обед, точнее, после третьего урока. То есть звонили мне с девяти утра, но мой телефон лежал в сумочке, а сумочка, как всегда, – в учительской. А поскольку первый урок был спаренный, а после вто-

рого я забежала в столовую перекусить, к телефону я подошла только на третьей перемене.

– Мария Залинская? – холодно осведомился незнакомый голос. – Я из городской клиники, первое отделение реанимации.

Правду говорят, что с человеком всегда случается именно то, чего он в жизни боится больше всего. Я увидела все так ясно, как бывает при вспышке молнии.

– Она жива? Она будет жить?

– Да, но...

– Что «но»? Говорите же! – Я практически кричала в трубку.

– Нужно кое-что обсудить. Не по телефону. Подъезжайте сюда. И, пожалуйста, как можно быстрее.

– Что именно обсудить? – Я ничего не соображала, говорила по телефону вместо того, чтобы уже мчаться в клинику.

Но мой собеседник уже отключился.

Кажется, меня еще хватило на то, чтобы отпроситься у сестры Валентины – дети ведь не виноваты, урок нельзя отменять. Да, точно, я отпросилась, потому что она велела нашему завхозу подвезти меня до клиники, напутствовав печальной улыбкой:

– Бог пусть поможет вашей сестре и вам.

Наш завхоз, пожилой, но еще крепкий мужчина с морщинистым лицом и черными цыганскими глазами под густыми, как осенние тучи, бровями, молча завел старенький при-

ютский микроавтобус и жестом пригласил меня занять место рядом с собой. Всю дорогу перед моим внутренним взором безжалостно крутились кадры из полицейской хроники: изломанные, изуродованные, обожженные жертвы автокатастроф.

Боже мой! Рита, моя сильная, моя отважная сестра! Что мне отдать, чтобы ты жила?

Когда мужчина в наброшенном на плечи белом халате (наверное, это был лечащий врач Риты) назвал мне стоимость операции, на меня словно рухнуло небо. Как же это?!

У нас с Ритой не было никаких сбережений, все, что осталось от родителей, было потрачено на учебу. Машина после аварии не подлежала ремонту, а на квартире висел невыплаченный кредит – пусть и небольшой, но перезаложить ее просто не получится. Тем более у меня.

Вот будь на моем месте Рита, она как-нибудь бы справилась, но я – не она. Я непрактичная, я...

Когда врач в наброшенном халате предложил мне донорство в Программе, я возблагодарила небеса. Ну, подумаешь, рука (или нога)! Ради Риты? Чтобы она жила? Да сколько угодно!

Да, сколько угодно...

Доктор одобрительно кивнул, быстро набрал какой-то номер, обменялся с кем-то несколькими короткими, деловыми, односложными фразами.

– За вами вышлют машину, – сообщил он. – К счастью,

у меня на примете как раз есть семья, которая давно хотела иметь ребенка. Вы спасете свою сестру ценой потери одной конечности. – Он вздохнул. – Если бы можно было обойтись без этого. – Это прозвучало довольно фальшиво, но мне было все равно. Главное – Рита выживет. – Клиника пойдет вам навстречу, – объяснял он, пока мы ждали машину. – Пока вы оформляете документы и реализуете контракт, мы будем проводить поддерживающую терапию за свой счет. Но не тяните с этим.

Как будто я собиралась тянуть! Быстрее, быстрее, где там эти чертовы документы на донорство, где там этот ваш аппарат?!

У выхода из отделения доктор усадил меня в новенький «Роллс-Ройс».

Когда я садилась в машину, над нами пролетели два ворона. Они летели совсем низко и зловеще скрежетали. Наверное, это были те самые... Провожали...

Глава 2. Жертвоприношение: донация²

15.12.2042. Город.

Клиника. Анна

Боль была всеобъемлющей и бесконечной.

Она плескалась в моей голове тяжелым багровым морем, и от нее некуда было бежать. Я сама врач и прекрасно понимала, что это значит. Никаких иллюзий у меня не было.

Собрав волю в кулак, я открыла глаза. Передо мной словно плыл туман, но усилием воли я разогнала и его. На самом деле это просто. Я сказала бы, адски просто – надо только смириться с тем, что твоя боль больше никуда не уйдет. И действовать, не обращая внимания ни на что.

Как тогда, в то бесконечно далекое время, когда у моей кровати в совсем другой клинике появился змий-искуситель. Лишенный каких бы то ни было человеческих чувств, с холодными змеиными глазами.

Искоса (голова не поворачивалась) я бросила беглый взгляд на мониторы. Да уж, убедительно. На томографе была прекрасно видна картина разрушений – алые пятна кровоизлияний растекались по мозгу, проникали вглубь, поражая его слой за слоем. И каждое мое усилие – мыслить ли, дви-

---

² Донация – дарение, отдача. Здесь – принесение жертвы.

гаться ли – усугубляло и без того безрадостную картину. Все-таки человек – удивительное существо: мне казалось, что я все чувствую и понимаю совершенно ясно, хотя, судя по показаниям приборов, конец меня как личности приближался стремительно и неотвратимо. И я его, похоже, еще ускоряла.

Неподалеку от меня, но глухо, как сквозь подушку, слышались голоса Макса и Феликса.

– Я сейчас позвоню Ойгену, – говорил мой сын. – Может, он что-нибудь придумает, он же на эту чертову Корпорацию работает.

Как страшно было это слышать! Как же я хотела остановить его! Сказать, что Корпорация – это чудовища, в которых нет ничего человеческого, и Ойген – такое же чудовище. Враг.

Нужно рассказать Максиму правду, до которой он даже сейчас, когда везде кричат про АР, так и не додумался.

Но я не могла, я не могла произнести ни слова.

– Алло... Ойген, это Макс. Тут такое дело... Короче, у Феликса девушка попала в аварию... Нет, не знаю где! В общем, у нее посттравматический инсульт, нужна операция... Что-что, сам не знаешь?.. Деньги нужны!.. Ты теперь, ходят слухи, большая шишка... И мать у меня тоже в больницу попала! И почти с тем же диагнозом... Нет, я думал, ты ведь мог бы распорядиться, чтобы Риту прооперировали сейчас, а я потом заплачу эти чертовы деньги... Риту... это Феликса девушка... автомобильная, какой-то мудака на автотрейлере

въехал... Какая разница где? На окружной... Я буду очень тебе обязан, и Феликс... я понимаю... Ну ты уж постарайся! Хорошо, сразу мне звони... Спасибо, мы ждем. Он сказал, что попробует. – Макс, видимо, старался успокоить Феликса.

К этому моменту сил у меня стало немного больше. Цена этого улучшения была прекрасно видна на томографе. Я сама приближала смерть своего мозга, но мне было за что платить эту цену.

– Он ничего не сделает. – Мой голос почти не дрожал.

– Мама!..

Макс бросился ко мне, упал на колени у кровати...

– Почему? – тихо спросил Феликс.

– Ойген не друг. – Каждая фраза требовала от меня таких усилий, словно я поднимала с земли железную наковальню. – Он враг. Он работает на Ройзельмана.

Я могла сказать гораздо больше. О том, что Ройзельман – опасный маньяк, фанатик, одержимый идеей торжества науки, для которого люди – лишь объект для наблюдений и экспериментов. Но у меня просто не было на это сил.

Я посмотрела на Макса. До чего же он все-таки хорош! К сожалению, как ни пыталась я найти в его чертах сходство с моим погибшим мужем, мне этого не удавалось. И если бы я не знала, что партеногенез невозможен для человека – до сих пор невозможен, я решила бы, что Макс только мой сын. Он очень похож на мои собственные юношеские фото. Очень.

Хотя иногда мне казалось, что для Ройзельмана, с его по-

истине дьявольской одержимостью своими безумными идеями, слова «невозможно» не существует. И тогда мне становилось страшно.

– Твой отец погиб за шесть месяцев до твоего рождения, – начала я, собрав в кулак все свои силы. – Мы попали в аварию. В горах. Машина сорвалась на каменную осыпь и взорвалась. Эрик успел меня вытолкнуть. И все. Я отделалась несколькими переломами и ушибами.

– А как же нога? – Макс смотрел непонимающе, почти отчужденно.

– Я не хотела жить без Эрика. Едва не сошла с ума. Меня привязывали к койке, чтобы... Больше всего меня убивало, что Эрик просил, а я так и не решилась забеременеть.

– Но как же... – Макс был ошеломлен.

– Пришел Ройзельман. Однокашник отца. Не друг, но... И сказал, что может мне дать ребенка от Эрика. Невозможно – тело практически сгорело! Ройзельман сказал, что он сможет. Достаточно одной живой клетки. Ему нужен был эксперимент. Материал для эксперимента.

Я перевела дыхание, говорить становилось все труднее, но рассказать было необходимо:

– Я согласилась.

Макс побледнел, его глаза лихорадочно блеснули.

– Компактных аппаратов еще не было. И *это* длилось шесть месяцев. Больно. Мучительно. Жесткая фиксация. Эксперимент. Материал для эксперимента Ройзельмана...

В моей голове словно разорвалась граната. Все опять подернулось туманом, перед глазами поплыли радужные круги. Я застонала.

– Мама! – Макс схватил меня за руку. – Мама, не умирай, не надо!

– Ты – первый в проекте «Дети-R», – прошептала я, едва ворочая языком. Даже просто думать было больно, больнее, чем сунуть руку в пламя, больнее, чем терять конечность в первой версии ройзельмановской душегубки. – Но ты мой сын. Не верь им, Макс. Не верь.

Внезапно свет начал меркнуть, а боль отступать. Это было даже приятно. Должно быть, я улыбнулась, если кровоизлияние еще не убило во мне эту способность. Сил хватило только на одно последнее слово – «люблю». Надеюсь, Макс услышал.

А потом свет погас окончательно.

15.12.2042. Город.

ЖК «Европа». Мария

Они мне сразу не понравились.

Такую гротескную парочку было еще поискать, классические нувориши образца девяностых годов прошлого века. Я таких только в старом кино видела. Мужчина – толстенький коротышка, не выше меня. Классический костюм, вероятно, от хорошего кутюрье шел ему примерно так же, как короле седло. Его легче было представить в спортивном костю-

ме «адидас» (хотя ничего спортивного в его фигуре и близко не было), а то и в вытянутых трениках и майке-«алкоголичке». Толстые, вроде сарделек, пальцы топырились, словно для демонстрации: на левом безымянном красовалась массивная печатка, на правом – не менее толстая обручалка. Шею обвивала классическая золотая цепь, тоже в палец толщиной. Голова была бритая, зато на мясистом подбородке топорщилась двухдневная седая щетина. Сходство с нахрапистым, прущим напролом кабаном довершали маленькие, хитро-злые глазки.

Спутница была ему под стать. Анекдотический персонаж. Надутые силиконом губы, невероятно увеличенная с помощью того же материала грудь, претенциозный кислотно-розовый прикид, изобилующий блесками, пайетками и стразами, пара кило косметики и килограммов пять всевозможной ювелирки превращали некогда, наверное, миловидную женщину в какую-то жестокую карикатуру на женский пол вообще.

– Проходите, садитесь. – Мужчина старался быть вежливым, но было видно, что в глубине души он испытывает презрение, и оставалось только гадать – не то ко мне лично, в связи с моей незавидной участью, не то вообще ко всем, не удостоенным войти в его круг. – Кофе будете?

Надо же, какой политес. Я помотала головой, отказываясь. Дама обошлась без политеса.

– Я надеюсь, вы здоровы? – спросила она, слегка растяги-

вая слова и бесцеремонно рассматривая меня как не очень нужную, к тому же сомнительного качества вещь, которую ей пытаются всучить. А что, собственно, церемониться? Это ведь как на рынке – вы нам товар, мы вам деньги. – Не наркоманка, не алкоголичка?

При этом сама она потягивала из бокала какую-то радужную муть, от которой несло спиртом так, что даже я это почувствовала. Что «эта» будет с ребенком делать? Впрочем, ясно что. Няnek наймет. Они же – «выжжжший класс», а остальные (я, няньки, шоферы и так далее) – обслуга. Что-то я злая, почти как Ритка бывает. Впрочем, немудрено, ситуация не так чтоб радостная. А уж персонажи и того хлеще.

Вслух я, однако, поспешно заверила:

– Нет, что вы. Я совершенно здорова.

– А чего тогда соглашаешься на такое? – Она решительно перешла на «ты». – Нищета достала, да?

– Нет. – Во мне крепло возмущение. Больше всего сейчас мне хотелось развернуться и уйти. Да еще и хлопнуть дверь, но – Рита, Рита! – У меня попал в аварию дорогой человек, и...

– ...и нету бабок заплатить за операцию, – презрительно закончила она. – Потому что откладывать надо заранее на такие случаи.

С этим трудно было не согласиться. Вот только откладывать пришлось бы лет двести примерно.

– Короче, детка, условия просты. – «Кабан» тоже решил

не церемониться и перешел на «ты». – Мы забашляем твоей сеструхе на лечение. Сумму мне доктор назвал. Ничего себе сумма... Хороший кусок придется отстегнуть. Короче, мы вам бабки, а ты отдаешь нам ребенка из своей руки. Отказ от него сейчас напишешь здесь же. Оплата по факту – как только тебе наденут аппарат, баблос капнет на счет клиники, и все в шоколаде. О'кей?

Я подавленно кивнула.

– Ща, только мой нотариус подъедет. Хочешь выпить?

Я отрицательно покачала головой.

– А пожрать чего-нибудь?

– Спасибо, не надо.

– Ну, как скажешь. – Он налил себе чего-то из тяжелого графина, выпил и зачавкал сразу тремя ломтями семги, цапнутой со стоящего на угловом столе закусочного блюда.

Подъехавший вскоре нотариус походил скорее на какого-нибудь вышибалу из второсортного бара. От моего клиента его отличал только высокий рост и ширина плеч, так что он напоминал не кабана, а скорее быка. Ну ладно, для целого быка он все-таки, пожалуй, не дорос, так что смахивал он на бычка.

– Ну че, на мази дело? – спросил мой клиент, когда этот персонаж вошел в гостиную, чуть пригнувшись, чтобы не задеть притолоку из красного дерева (сама гостиная была выполнена в модном и, на мой взгляд, совершенно неуютном стиле мини-модерн). – Обе малявы притаранил, чувырла?

– Я че, похож на лоха? – ответил Бычок. – Я-то притаранил. Но ты, Порох, ваще, что ли, рамсы попутал, сразу на три разводить!

– Не вякай мне тут, – одернул его Порох-Кабан. – Твое дело малое, доставай гроссбух и работай.

Следующие полчаса прошли как-то нервно. Мне казалось, что я участвую в съемках какого-то дурного фильма, с гротескными персонажами среди аляповатых декораций. Очень хотелось убежать. Очень хотелось, но Рита, Рита...

Незадолго до момента подписания бумаг (я успела уже ознакомиться с текстом договора и ждала, пока Бычок делает какие-то записи в своих книгах) Пороху позвонили.

– Алё! – рявкнул он. – А, доктор... Ну, и чё там за ботва?

Потом его лицо стало серьезнее, и я внутренне напряглась, ожидая чего-то нехорошего:

– Хреново, говоришь? Ну, мы почти закончили. Не, я понимаю, что за базар? Мне тоже – чем быстрее, тем интереснее. Ну, бывай. Так, народ, – сказал он, кладя трубку, – надо ускориться. Там в больнице какие-то осложнения, надо, чтобы все было по-быстрому. Лепила пришлет за тобой, – он остро взглянул на меня, – реанимобиль. Готовиться начнешь прямо в машине. Так сказать, с корабля на бал, усваиваешь? Это все ништяк. Сестренку сразу же поволокут в операционную, сечешь?

Мне было страшно. А если мы не успеем? Если Рита не доживет до того, как мне поставят аппарат? Что тогда де-

лать?

Содрогаясь от этой ужасной мысли, я быстро подписала все бумаги там, где мне указывал нотариус. Он заверил договор печатями, и не успел он еще поставить последнюю печать, как в домофон требовательно позвонили – подъехал реанимобиль.

Рита всегда говорила, что я неприспособленная. Я сама это знала и, не будь ситуация столь ужасной, никогда бы и не заговорила с такими людьми, как этот Порох-Кабан. Не потому что брезгую, а потому что боюсь. И не зря.

– Приготовьтесь, мы должны сделать вам несколько инъекций, – обыденным тоном сказал сидевший в машине фельдшер, закончив изучение контракта. – Какие у вас аллергии?

Я молча достала паспорт и подала ему карточку с QR-кодом.

– Мы сейчас погрузим вас в медикаментозную кому, – предупредил меня он. – Без нее организм не вынесет нагрузки.

Я машинально кивнула. Но... Погодите... Я не понимала... Пусть он мне объяснит.

– Почему не вынесет? Я видела много женщин с АР-ами, и они чувствовали себя вполне нормально.

– С четырьмя одновременно? – иронично спросил он.

Вначале я даже не поняла, о чем речь.

– Почему с четырьмя?

– Так сказано в вашем контракте. – Фельдшер посмотрел мне прямо в глаза. – Вы сами-то вообще читали этот контракт?

Я кивнула, чувствуя, как все тело становится ватным – второй раз за сутки.

Он продемонстрировал на своем планшете электронный скан контракта – с моей, безусловно, моей подписью.

– Но как?! Ведь я же его читала, там было сказано об одной руке!

– Вы ни на что не отвлекались? – деловито подсказал фельдшер.

Не отвлеклась? Да я вообще все это время была ни жива ни мертва! И, конечно, совсем не смотрела за нотариусом и на контракт едва взглянула. Особенно после звонка из клиники.

Я заплакала. Сначала тихо скулила, потом разрыдалась, всхлипывая и подвивая – все громче и громче. Фельдшер, пожилой усталый мужчина со значком Корпорации на халате, смотрел на меня с чем-то вроде сострадания во взгляде. А толку-то с его сострадания? Я понимала, что он мне не поможет. Никто больше не поможет. Зато Рита будет жить.

– Я дам вам хорошее, сильное успокоительное, – сказал наконец фельдшер, уяснив, что сама по себе моя истерика не иссякнет. – В таком состоянии вас нельзя вводить в полноценную кому. Сейчас вы немножко отключитесь, а все остальное мы сделаем уже в клинике.

Да, сейчас я отключусь.

А что будет, когда я включусь?

15.12.2042. Город.

Ойген

А начиналось все так хорошо.

Как тут не вспомнить: если все идет хорошо, значит, вы просто чего-то не знаете.

После контрастного душа имени Ройзельмана я, как и предполагается после принятия подобной процедуры, взбодренный и жаждущий решительных действий, немедленно принялся собирать информацию о следившей за мной девице. Как там сказал мой учитель? Если тебе захочется решить эту проблему, я возражать не буду... Так, кажется?

Когда начальство говорит, что не будет возражать, толковый работник принимает это как руководство к действию. И я потянул за свои связи, прежде всего, конечно, – в городской клинике.

Тут меня поджидал сюрприз номер раз. Найти-то мою преследовательницу не составило труда, но... Почему, ради всех святых, в городке с полумиллионным населением мне на хвост села именно она, Маргарита Залинская, девушка Феликса, занудного друга Макса? Почему, чтоб вас всех?

Впрочем, будь она даже девушкой Макса или даже самим Максом, разве это должно меня волновать? Я невольно вспомнил кролика Онжея.

Информация, однако, обнадеживала. Оказалось, Залинская – сирота. Очень хорошо. Ее отец был средней руки «бизнесменом» образца девяностых, из тех, у кого основными орудиями бизнеса были калькулятор и паяльник и которые так и не сумели приспособиться к нашим цивилизованным временам. Ему вместе с женой устроили девять лет назад Варфоломеевскую ночь во дворе их дома. С тех пор Рита сама содержит себя и свою сестру-близнеца, других близких родственников у них нет.

Просто отлично!

Лечащего врача этой полицейской ищейки – Вадима Хлуста – я знал, он был, как и большинство нынешних врачей, сотрудником Корпорации, так что даже пару раз довелось его инструктировать. Но позвонить я не успел – опередили. И кто!

Макс собственной персоной! И, что еще забавнее, как раз по поводу этой самой Риты. На всякий случай я изобразил неосведомленность и все уточнил, после чего заверил, что всячески помогу, предупредив, чтобы ничего без меня не предпринимали. Ага, помогу, щаззззз, вот только шнурки поглажу. Но какое везение, подумайте! Провидение явно благоволит мне, ну и кто в таком случае сможет помешать, верно?

Набрав наконец номер этого Хлуста, попросил его об аудиенции. Попросил! Ха! Он, впрочем, мою «просьбу» расценил совершенно верно – как обязательный к исполнению

приказ. Эх! Если бы этот парень и во всем остальном был столь же рассудителен! Хотя, с другой стороны, его тоже можно понять. Он же и близко не догадывается, во что замешана пациентка.

По дороге в клинику я с удовольствием размышлял о последних изменениях. Еще три месяца назад я был чуть ли не рядовым сотрудником, недавним аспирантом, а теперь я чувствовал себя едва ли не доном Корлеоне. И, черт побери, мне это чрезвычайно нравилось!

Но, должно быть, правы были предки, когда говорили, что, задирая нос, легко не заметить ямы у себя под ногами.

– Все не так уж и плохо, она сейчас в искусственной коме, – докладывал мне Хлуст. – Операцию мы ей не делали, тут понадобится серьезное нейрохирургическое вмешательство. А у клиентов, как я понял, с деньгами не очень. Ее парень – ботан полный, пальто чуть не прадедушкино на нем.

Я мысленно возликовал, но, как тут же выяснилось, поторопился. Потому что хуже дурака обыкновенного может быть только исполнительный дурак.

– ...но я нашел выход! – радостно лыбился Хлуст. – Помните тех клиентов, на которых вы мне недавно указали? Этот боров, хозяин каких-то там магазинов. У него еще дамочка вся раскрашенная и насиликоненная, как Барби. Вот я сестру Залинской к ним направил, ну, в качестве донора.

У меня внутри все оборвалось:

– А кто вам, позвольте узнать, разрешал? – Я из послед-

них сил удерживал себя в рамках отрешенной холодности. Совсем как Ройзельман. Получалось у меня, прямо скажем, не очень.

– Да вы же сами и разрешали, – обиженно захлопал он редкими ресничками. – Ну не теребить же вас по каждому мелкому случаю! Да все там в ажуре, я уже и реанимобиль за ней выслал. Сейчас привезут, и мы ее быстренько в аппарат...

– Никаких аппаратов! – рявкнул я. – Делайте что хотите, выкручивайтесь как хотите, но эта девчонка не должна стать донором ни при каких обстоятельствах – ни у вас, нигде. Ясно?

Он был удивлен, готов был возразить, но все-таки кивнул. А я пулей вылетел из кабинета. Но тут же вернулся – мне в голову пришла еще одна полезная мысль.

– Номер реанимобиля?

– Тридцать три, регистрационный номер РО 1987, – продиктовал уже совершенно перепуганный и сбитый с толку Хлуст.

Я решил перестраховаться и набрал номер одного из своих «орлов».

– Малой, привет. Ты где?

– Как всегда, в «Горе», играем в бильярд.

– Дуй к клинике, есть работенка, – приказал я.

– Я уже весь почти одно ухо, – гыкнул он в трубке. – Кого убить?

– Ты у меня доштутишься. Там привезут пациентку по нашей части. Реанимобиль тридцать три, номер РО 1987. Запиши.

– Я запомню, – лениво протянул Малой.

– Не перепутай, иначе бошку оторву, понял?! Короче, встретишь их там на стоянке и заберешь девку.

– Прямо из приемного покоя? – Он, кажется, удивился. – Принц, что за хипеш, в натуре?

– Малой, если я сказал, надо, это значит – бегом! Постарайся заболтать бригаду, не удастся – вырубай. И дуй с ней в городок. Сдашь в блок изолятора Питу. Еще вопросы будут?

– Только один – сколько отвалишь? Ничего личного, Принц, я за тебя всегда впишусь, ты знаешь, но своя рубашка... короче, ты в курсе.

Эх, черт, а ведь платить-то придется из своего кармана. Жалко. Ничего, я потом на ней отыграюсь – сам сделаю почетным четырежды донором. Но не сразу, сперва надо убедиться, что ее сестренка склеила ласты.

– Полторы таксы, – пообещал я.

– Ну надо еще слегонца накинуть, – начал он торговаться. – Типа за риск, а?

– Веревку на шею могу накинуть, – оборвал я. – Ты там – типа – совсем рамсы попутал?

Эк я наблатыкался разговоры разговаривать. Это я-то – мальчик из хорошей семьи по прозвищу Принц, в честь моего знаменитого тезки, Евгения Савойского. Ну да с волками

жить – по-волчьи выть.

– Ладно, пошутил. Все сделаю в лучшем виде, – пробурчал Малой. – Заедешь вечером в «Гору» на партейку бильярда?

– Как фишка ляжет, – ответил я. – Время сейчас... сам знаешь какое.

– Ага, – ответил он и отключился. А я направился в ЖК «Европа», где проживал незадачливый заказчик со своей «Барби», жаждущей иметь чадо, но не желающей при этом силиконовую руку.

Странные люди эти женщины. Как в сиськи силикон вставлять – это ничего, а как руку протезом заменить – это уже «ах, это меня изуродует!».

Впрочем, не мне решать, у меня-то руки и ноги свои, и «отъятие» их в ближайшее время, тьфу-тьфу-тьфу, не предвидится. Откровенно говоря, такой сценарий меня пугал с детства. Хорошо еще, что Ройзельман предусмотрительно сделал свой аппарат таким образом, что срабатывает он только на женском организме. Шарит мужик. Тьфу, надо на цивилизованный язык переключаться. Я же, в конце концов, начальник отдела специальных операций крупнейшей в мире транснациональной Корпорации.

И это еще не предел. То ли еще будет...

15.12.2042. Город.

Клиника. Феликс

– Феликс, оставь нас одних, пожалуйста, – неожиданно сказал Макс глухим, словно чужим голосом. – Я... я побуду с мамой один. Иди. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Иди пока.

Я положил руку ему на плечо, слегка сжал и вышел. Может быть, это недостаток моего приютского воспитания, но я совершенно не умею сочувствовать. Нет, не так – я не знаю, как выразить свое сочувствие. Мне кажется, попади я в ту же ситуацию, что Макс, любые слова, любые действия посторонних были бы для меня только в тягость. Хотя, возможно, это все из-за моей вьевшейся уже в подкорку привычки к одиночеству. У меня никогда не было людей, столь близких, как Анна для Макса.

Я вспомнил о Рите и поймал себя на поистине страшной мысли – я, наверное, люблю ее не так, как должно. Потому что не испытываю потрясения, сравнимого с тем, что переживает сейчас Макс. Нет, я готов был на что угодно, чтобы спасти Риту, но сейчас от меня мало что зависело. Оставалось пассивно ждать звонка Ойгена. Теоретически у меня сейчас должно было разрываться сердце. Но оно продолжало биться примерно так же, как и всегда. Мне было ужасно жалко Риту, больно, тяжело – но небо не рушилось, а сердце не останавливалось от ужаса за нее. Может, я бесчувственное чудовище?

Оторвал меня от этих мучительных раздумий телефонный звонок. Отчего-то я решил, что это Ойген. Но это был

Алекс.

– Феликс, ты где? – не здороваясь, довольно резко спросил он. – В университете тебя нет и, говорят, сегодня вообще не было. У тебя что-то случилось?

– Нет, – попытался соврать я, но Алекс всегда видел меня насквозь.

– Что произошло? – спросил он таким тоном, что не ответить было нельзя.

И я выложил все как на духу. Полагаю, рассказ мой был сбивчивым и путаным, но Алекс не перебил меня ни разу. Только уточнил:

– Так ты сейчас в клинике? Я заеду за тобой. Выходи к главному входу и жди меня.

Все как всегда: Алекс распоряжается, я исполняю.

Я вышел на крыльцо. День, под стать моему настроению, стоял пасмурный, серый. Совсем как в моем утреннем сне. Я грустно усмехнулся: сон, конечно, был страшный, но все-таки это был всего лишь сон. Реальная действительность оказалась куда страшнее. С неба моросил не то дождик, не то мелкий снежок. Ветер дул с моря, было зябко, но эта промозглость мне даже помогала. Отвлекала от ужаса, от мерзкого ощущения собственного бессилия.

Алекс, подъехавший как-то неправдоподобно быстро (или мне так показалось?), вылезать из машины не стал: открыл дверь и махнул рукой, приглашая в салон. Тронув с места, он потребовал еще раз все рассказать, теперь уже подробнее.

Теперь он изредка переспрашивал, уточняя подробности.

– Не так уж дорого держать человека на АПЖД, – сказал он, доставая трубку. – Хотя операция действительно может столько и стоить. Корпорация подминает под себя весь медицинский рынок и взвинчивает цены везде, где только можно и как только можно.

Он затанулся, выпустил дым (мы стояли на светофоре) и нервно побарабанил пальцами по рулю. Я вздрогнул от этого простого движения. Раньше Алекс никогда не позволял себе паразитных жестов.

– Я дам деньги, – сухо сказал он. Я попытался было протестовать, но один короткий взгляд искоса заставил меня замолчать. – Вся сумма у меня сейчас вряд ли наберется, попробую договориться о рассрочке. Сейчас заедем ко мне, посмотрим, что и в каком порядке нужно сделать.

– Я даже не знаю... – Я попробовал было сказать, что благодарен, что не знаю, как и благодарить его, но Алекс отмахнулся.

– Феликс, – он поморщился, – говорят, в гробу нет карманов, и это правда. Чистейшая незамутненная правда. Человеческая жизнь безмерно ценнее этих бумажек, тем более в наше время. – Он посмотрел в небо, словно ожидая увидеть там очередную комету. – А теперь расскажи мне о том, как продвигается твоя работа.

И хотя мои результаты на сегодняшний день можно было изложить одним коротким словом «ничего», мой рассказ за-

нял всю оставшуюся часть дороги.

Теперь обитель моего учителя больше не напоминала тот храм порядка и уюта, каким я застал ее тогда, во время празднования юбилея. Черт, кажется, с того дня прошло лет сто, не меньше. Это было не только мое внутреннее ощущение, дом тоже выглядел... постаревшим? Нет, тут не воцарился беспорядок, вроде бы все было как раньше, но все выглядело поблекшим, словно под слоем пыли. Я даже провел украдкой по угловому столику – нет, палец остался чистым. Но вся обстановка действительно казалась выцветшей – как будто здесь прошло не три месяца, а лет если не сто, то как минимум десять.

Бросив пальто в прихожей, мы сразу двинулись в кабинет. Алекс включил компьютер, пододвинул к себе архаичный стационарный телефон и махнул мне, предлагая устроиться на диване.

– Впрочем, – поправился он, – лучше принеси кофе, на кухне должен быть заваренный. Сходи посмотри.

Бездействие изрядно меня тяготило, так что я предпочел отправиться на кухню.

Там мое внимание привлекла полупустая бутылка «Балантайна» и два низких стакана, на дне одного из которых плескались остатки виски. Поскольку заподозрить Алекса в употреблении алкоголя было невозможно, я предположил, что в доме живет еще кто-то. Три с половиной месяца назад Алекс жил один. Впрочем, это не мое дело. Я просто цеп-

лялся мыслями за что попало, лишь бы не думать о том, чего все равно не мог изменить.

Заглянув в стоящий на широком подоконнике самоподогревающийся кофейник, я действительно обнаружил там кофе – судя по аромату, более-менее свежезаваренный. Поэтому просто налил две чашечки, прихватил сахарницу, составил все это на поднос и поспешил в кабинет.

Алекс сидел за компом и что-то чертил пальцем по сенсорному экрану. Увидев меня, он довольно хмыкнул:

– Мои дела идут даже лучше, чем я ожидал. Сам удивляюсь. Правда, я не проверял свои счета довольно давно. В общем, думаю, особых проблем у нас не будет. Половину суммы я перечислю сразу. Потом продам немного акций Корпорации – они сейчас, естественно, на подъеме. И мы добудем вторую половину. Ну... уже завтра, думаю.

Он снял трубку и наступал номер. Я понял, что он звонит в клинику. И не ошибся.

– Доктор Хлуст, добрый день, точнее, добрый вечер. Это говорит профессор Кмоторович. Прошу прощения за беспокойство, я звоню насчет вашей пациентки Залинской... Отлично, а когда?.. Так, так... И сколько это займет времени?.. Конечно, понимаю и даже советую не торопиться. Я не об этом, я, собственно, по поводу оплаты...

И тут он замолчал и с явным изумлением посмотрел на меня. Что-то плохое с Ритой? Ну конечно, с Ритой, он же ее врачу звонит. Но вряд ли плохое – взгляд его был полон

удивления, даже недоумения, но ничего похожего на огорчение. Потерпи, Феликс, уговаривал я сам себя, сейчас, сейчас все узнаешь. Пусть он только договорит.

– Вы уверены?.. А кто?.. Понимаю. Ну что ж, могу ли я вам перезвонить после операции? Да, завтра утром. Хорошо.

Алекс повесил трубку и медленно, с каким-то сомнением обернулся ко мне:

– Ее уже готовят к операции, – сообщил он в полной растерянности. – Деньги поступили полчаса назад.

Глава 3. Жертвоприношение: акцепция³

15.12.2042. Город.

Усадьба Алекса. Герман

Человек, который смотрел на меня, выглядел, прямо скажем, весьма паршиво. Волосы всклокочены, щеки впали, на них топорщится неопрятная трехдневная щетина с заметной проседью. Под глазами – темно-сизые мешки. А сами глаза как-то нехорошо, неестественно блестят. Даже в контуре губ заметно что-то болезненное. В общем, неприятный тип. Но есть одно «но» – этот человек я сам. Я смотрел в зеркало, собираясь все-таки побриться.

Да, в последнее время я как-то слишком много пью. Нет, даже не так. Последнее время я практически не просыхаю. Просыпаясь, сразу тянусь к стакану и только после хорошего глотка виски могу встать с постели. Я кое-как реанимирую себя к обеду, перекусываю чем-то на скорую руку и пытаюсь что-то сочинить. И, разумеется, у меня ничего не выходит. Аб-со-лют-но ничего не выходит. Потому что максимум через полчаса «работы» я переключаю компьютер на видеозапись одного из своих балетов. А там – она.

Теперь она живет только в памяти моего компьютера и мо-

---

³ Акцепция – принятие. Здесь – принятие жертвы.

его изрядно проспиртованного мозга. Наяву ее больше не существует. Наяву есть киборг с ее внешностью, со смутно напоминающей ее манерой двигаться, с ее, черт побери, улыбкой – но это не она.

Иногда, когда Алекса нет дома, я спускаюсь вниз и спорю со священником, который по-прежнему живет у нас в доме. Отец Александр почти оправился от побоев и опять служит в маленьком приделе нашего городского собора. Уходит он рано утром, чтобы вернуться к обеду и вновь уйти ближе к вечеру. Хотя его вера нынче не в чести. Теперь время унитаристов и прочих странных сект, в которых поют осанну Ройзельману – тому самому дьяволу, из-за которого я потерял жену. Я ненавижу его люто, голыми руками бы придушил, но реальнее застрелить папу римского во время пасхальной службы в соборе Святого Петра, чем этого морщинистого, сутулого, похожего на стервятника выродка.

В театр я теперь не хожу. Дирекция отнеслась к этому с пониманием, за мной формально сохраняется место, а все мои доходы – это четверть от роялти. Так что я не совсем нахлебник у Алекса. Правда, основная часть моих доходов теперь уходит на выпивку. Нет, я далек от того, чтобы как-то оправдывать себя. Признаем честно, я совсем опустился, совсем.

Я написал три прекрасных балета и множество дивертиментов, но кажется, что это было в какой-то другой жизни. Тогда мне было для кого писать. У меня была любовь,

мне хотелось творить, меня охватывало почти божественное вдохновение. Алкоголь – как протез всего этого. Он ничего не заменяет, даже не создает иллюзии замены, но место все-таки он занимает, заполняет собой ужасную сосущую пустоту.

Если бы она потеряла ту же руку, например, в автомобильной аварии, я бы смирился. Нет, не так – я был бы рядом, я бы поддерживал и любил ее, даже сильнее и нежнее, чем раньше. Но она сама, добровольно отдала часть себя, наплевав на то, что я любил ее, растоптав мои чувства. Или перешагнув через них, как через пустой отработанный мусор. Именно эта овечья добровольная покорность и шокировала меня, оттолкнув от нее.

Но теперь, спустя время, я понял, что, хоть я и не могу быть рядом с ней, без нее-то я тоже не могу! Я даже пытался покончить с собой. Смешно. О, эти жалкие попытки... Видимо, я обыкновенный трус. Смерти я не боялся, просто не смог переступить черту. Но и жить так дальше я тоже больше не могу.

Не. Мо. Гу.

Беседы с живущим у нас священником все-таки сделали свое дело. Хотя этого человека я, пожалуй, даже ненавижу. Не так, как Ройзельмана, но тоже ненавижу. Я его ненавижу, а он стал целителем моей души. Жестоким, надо сказать, целителем. Хирургом, который безжалостно, без всякого наркоза влез в мою душу и что-то там изменил. Я стал

противен себе еще больше, чем до этого. Но теперь все было по-другому. Мне вдруг показалось – я знаю, как все изменить. А если даже и не знаю, все равно должен попытаться. Когда чувствуешь себя мышью на раскаленных углях, не важно, куда бежать, надо просто бежать, это единственный способ сохранить жизнь. А у меня был единственный путь – вернуться.

Будем считать, что это была авария.

Итак, я принял душ, почистил зубы, заметив, что следует наведаться к дантисту, очень тщательно побрился, а затем вылил на себя, наверно, полфлакона одеколона.

Надеюсь, она не почувствует запаха алкоголя.

15.12.2042. Город.

Усадьба Алекса. Вероника

Гостеприимство Алекса пришлось, конечно, очень кстати, но я с каждым днем все острее чувствовала, что пора, пора покидать его дом. Нет-нет, вовсе не потому, что я тут кого-то стесняла или кому-то мешала, ничего подобного. Сам Алекс, я, Герман, отец Александр – мы уживались вполне мирно. Хозяин дома и его тезка-священник иногда раздражали меня – не терплю слишком «правильных» – но не особенно сильно. Ну да, если бы не дурацкие принципы Алекса, он вполне мог бы стать круче самого Ройзельмана. Но мне-то какое дело до их «правильности»? Ну спорили, бывало, не без того (ну если они, с моей точки зрения, чушь несут), но тоже как-

то так, без фанатизма.

И, знаете, мне даже странная мысль в голову пришла. Вот Валентин считает меня стервой (а я его, соответственно, – слизняком и тряпкой, но это неважно). Но живу я сейчас рядом с людьми, по убеждениям совсем для меня не близкими, и – где моя стервозность? Так, может, дело не во мне, а в Валентине? В том, что он – попросту слабак?

В конце концов, женщине свойственно полагаться на своего мужчину – это естественный порядок вещей. И столь же естественно, что женщина, осознав ненадежность избранной опоры, ищет для себя другую. Глупо и бессмысленно по этому поводу морализировать: так устроен мир. Женщины не любят оказываться в сложных ситуациях. Да что там скрывать – они их просто боятся. Просто потому что не уверены в собственной способности справиться с лавиной проблем. И это тоже естественно. Страх заставляет искать опору и защиту. Первобытный реликтовый страх. Генетическая память о том, что в пещеру может ворваться саблезубый тигр или стая волков, в конце концов, пещера может начать обрушиваться – конечно, страшно. Сегодня «волки» другие, но какая разница? Все равно страшно.

Меня считают сильной женщиной, но это – чисто внешнее впечатление. Ну да, я умею отстаивать свои интересы. Но при этом прекрасно понимаю, что в мире, как ни крути, есть силы, намного превосходящие мое упрямство и упорство. С некоторыми вещами женщине справиться невозможно.

но. К тому же мне в глубине души всегда хотелось быть слабой. Чтобы кто-то улыбался: не бойся, милая, я обо всем позабочусь, – и действительно заботился бы.

Хотя в наше время это, наверное, непозволительная роскошь – быть слабой женщиной, полностью доверяясь мужчине. Вот и приходится изображать этакую независимую валькирию. Но сказать, что мне нравится то, как я живу, – значит, изрядно погрешить против истины. Не нравится, несмотря на все мои старания продемонстрировать противоположное. Я теперь не столько живу, я играю роль, немного гротескную роль сильной, самодостаточной женщины, почти что женщины-вампа. Образно говоря, я оседлала тигра, и слезать с него мне почему-то не хочется (быть может, «слезать с тигра» мне попросту страшно). «Держать марку» мне очень помогает Эдит. Вот уж кто воистину человек без комплексов. Она совершенно не отягощена грузом моральных принципов. Легко преступает грань писаных и неписаных законов, собственно, почти не замечает их, поскольку правила устанавливает (и отменяет!) для себя сама. И не знает в этом удержу.

Как она обрадовалась, услышав, что я ушла наконец от Германа.

– Приезжай ко мне, – тут же потребовала Эдит, – места в моем коттедже хватит, живи сколько вздумается, я только за. Ты благотворно на меня влияешь. Ты ведь знаешь, Никочка, меня иногда... э-э-э... заносит на поворотах. Так можно и с трассы ненароком слететь, и голову потерять, а ты меня

сдерживаешь. Ты такая гармоничная. Ну что тебе делать в доме этого твердокаменного моралиста и идеалиста Кмоторовича? Со скуки помрешь. Даже не думай – переезжай ко мне чем раньше, тем лучше.

Но я колебалась. Эдит – действительно особа без тормозов. Во всех смыслах слова. Я сильно подозреваю, что ей все равно, с кем спать – с мужчиной или женщиной. Нет, я не ханжа, но при мысли, что я стану объектом сексуальных притязаний особы с явно к тому же выраженными садистскими наклонностями, мне становится немного не по себе. Поэтому я колебалась. Несколько дней в доме – почему-то его все называют усадьбой – Алекса оказались очень кстати. Но – хорошего помаленьку. Тем более «хорошего». В смысле – «правильного». Очень уж мы разные. Идеализм Кмоторовича и его тезки действовали на нервы. Хотелось уже как-то расслабиться.

Вообще-то у Эдит тоже придется быть несколько насто-роже, но совсем в другом смысле. В ее мотивах нет ничего «правильного», тем более «благородного». Но и я, в конце-то концов, не такой уж беспомощный кролик, если что, смогу как-нибудь отстоять свое «право на самоопределение». И вообще. Возможно, все обойдется без эксцессов. Короче, поживем – увидим. Может, ей действительно нужен не столько очередной сексуальный партнер, сколько тот самый «сдерживающий фактор», что бы это ни значило. Ведь если даже я «оседлала тигра», то у Эдит их целая упряжка.

В кабинете, куда я заявила, дабы поставить хозяина в известность о том, что гостя его покидает, кроме собственно Алекса обнаружился его любимый ученичок – Феликс. Ягненок, как я его мысленно окрестила с первой встречи. Эдакая, знаете ли, помесь невинности и упрямства.

– Добрый вечер, Алекс. Вот пришла попрощаться. Съезжаю от вас, – заявила я чуть не с порога, потому что – а чего тянуть кота за хвост?

Он, однако, искренне удивился:

– А в чем дело? Мне показалось, что ты тут уже прижилась. Что-то не так? Ты чем-то недовольна? Обижена, боже упаси?

Радужный – и великодушный до полного маразма! – хозяин в своем репертуаре.

– Нет-нет, все в порядке. – Я вежливо улыбнулась. – Очень благодарна за гостеприимство, но у меня сейчас другие планы. – Я скромно потупилась, надеясь, что мою недельной давности обмолвку про Эдит он не вспомнит, сочтя «другие планы» намеком на новые отношения. – У вас и без меня гостей хватает – отец Александр, Герман, – а дом все-таки не слишком большой.

– Но тебе точно есть куда идти? – настаивал Алекс. – Где жить? Не на пару дней, а постоянно. Потому что ничуть ты меня не стесняешь. И никого здесь. Если что, живи сколько угодно.

Благородные все такие – с ума с ними можно сойти! Ради

чего он передо мной так распинается?

Но я улыбнулась еще добродушнее:

– Спасибо. Но у меня – да, есть где жить и куда идти. И я правда благодарна за все.

Да, я его не люблю. Вот именно потому, что он именно такой. Потому что Алекс – не Ройзельман. Потому что и сам раб своих принципов и таким же сделал своего сына. Но Валентин – просто ничтожная тряпка, а Алекс – мужчина. И это противоречие раздражает: если можешь, но не достигаешь – кто ты после этого? И не надо о принципах и морали – это чистой воды отмазка.

Эдит, кстати, тоже его не любит. Да что там – она его ненавидит. С ее точки зрения, профессор Кмоторович – главное зло нашего мира, тормоз прогресса и все такое. Мне эта ненависть не совсем понятна, ведь Эдит с Алексом никогда особо не сталкивались. Так, шапочное знакомство. Но она говорит, что это «мировоззренческая ненависть», дескать, не будь таких, как Алекс, мир давно бы стал другим – обновленным и без всяких ветхих предрассудков.

– Ну хорошо, – кивнул «тормоз прогресса». – Помочь тебе с вещами?

– Нет, спасибо. Я уже все сложила. Таксист заберет.

На самом деле часть вещей я уже перевезла, но ему об этом знать не обязательно. Покинув кабинет, я устроилась в холле первого этажа – ждать такси. Вот и хорошо. Обошлось без благородных поз и слюнявых потоков участия и попыток

благотворительности.

И тут внезапно – у калитки никто не звонил, так что я, естественно, никаких визитеров не ожидала, – входная дверь распахнулась...

И вместе с холодом в прихожую ворвался – извольте радоваться – мой бывший муж!

Впрочем, я почему-то не удивилась. Где-то подсознательно я ожидала, что в какой-то момент Валентин явится выяснять отношения, и, в общем, была к этому готова. А сейчас, когда я жду такси, – это даже лучше, чем я рассчитывала. Вот и расставим уже все точки над «i».

Валентин уставился на меня, потом заметил мои чемоданы. Сказать, что физиономия его просияла, – ничего не сказать. Словно человеку уже возле плахи помилование зачитали.

– Вероника! Ты... ты хочешь вернуться?

Ну да! Бегу и спотыкаюсь! Вот так и знала, что не сумеет характер выдержать. Слабак – он и есть слабак. Я смерила его презрительным взглядом и нарочито грубо процедила:

– Куда? К тебе? Да ты никак бредишь? Размечтался... дешевка! – Последнее слово я выплюнула абсолютно в манере Эдит. Жестоко? Я вас умоляю! А кто же он еще? Слизняк, слюняй и дешевка.

Валентин отпрянул, словно я ему дала пощечину:

– Ника, как ты можешь... – А затем неожиданно – я даже вздрогнула – рухнул на колени и попытался подползти ко

мне. – Ника, я понял... Я был очень, очень не прав! Я тебя страшно обидел! Пожалуйста, вернись, я никогда больше и не заикнусь ни о каких детях! Ты для меня важнее всего на свете!!!

Обидел? Он – меня? Да что он о себе возомнил?!

Ситуация, однако, начала меня забавлять.

– А как же твоя драгоценная поломойка? – ухмыльнулась я.

Валентин заплакал (ну кто бы сомневался).

– Я не люблю ее, – всхлипывал этот... это... эта пародия на мужчину. – Я ее ненавижу! Ее и эти ужасные аппараты... И с каждым днем все больше... Я только тебя люблю...

Какая, черт побери, идиллия! Впору пасть бывшему на грудь и порыдать в унисон, путаясь в слезах и соплях. Бр-р-р!

Как-то надоело мне это развлечение.

– За каким чертом мне сдалась твоя сопливая любовь? Погляди на себя – это ж сущий позор для уважающей себя женщины, тряпка, а не мужчина! – отрезала я. – А раз ты тряпка, вот и иди к своей швабре, понял? Вы вполне достойны друг друга. Сладкая парочка – баран да ярочка.

– И что же мне теперь делать? – Его глаза разом потухли.

Ну да, зачитанное на лобном месте помилование оказалось фальшивкой. Впрочем, сам виноват: нечего было себя чемоданными мечтами тешить, я ни словом, ни взглядом к тому оснований не давала.

– Можешь пойти нажраться, – не удержалась я от доброго совета. – Герману вон помогает. А потом ползи к своей Жанне и поплачься ей, какая у тебя сука бывшая жена. Ничего, переживешь.

Тут, к моему счастью, подъехало наконец такси. У меня мелькнула было мысль – не приказать ли бывшему муженьку дотащить до машины мои вещи, – но это, пожалуй, был бы уже перебор. Управилась сама.

Не стану клясться – мол, ноги моей здесь больше не будет, – мало ли, как жизнь еще повернется. Но, если честно, лучше бы вовек никого больше из этой семейки не видеть.

15.12.2042. Город.

ЖК «Уютный». Вера

Ой, ну да, я, конечно, поторопилась. Мне хотелось всего – и сразу. Я всегда была очень эмоциональна. А ведь надо было просто немножко потерпеть, подготовить Германа к переменам осторожно и бережно, чтобы мое решение не упало на него, как снег на голову. Если бы я повела себя немножко более рассудительно, он, конечно, все в итоге принял бы по-другому. Понял бы, привык бы. Почувствовал бы, как это важно! Ведь Герман всегда меня любил. И любит. Конечно, любит.

Просто мужчины устроены не так, как мы. Они кажутся более крепкими, более устойчивыми физически, чем женщины, но это ведь совсем не так. Более прочный металл од-

новременно и более хрупок, поэтому сломать мужчину, может быть, даже легче, чем женщину. И происходит это совершенно по-другому. Женщина гибче, поэтому после удара – и это совсем не редкость! – способна прийти в себя и остаться самой собой. А сломанный мужчина чаще всего сломан – увы! – навсегда. Боюсь, что с Германом произошло именно это.

Он позвонил, когда я купала Олюшку. Она капризничала – беспокоил животик, возможно, потому что я сегодня, не сдержавшись, побаловала себя пирожным со сливочным кремом. Очень захотелось, хотя это, конечно, было совершенно непозволительно. Кто знает, какую химию они туда кладут?

Все-таки быть матерью – это такое счастье, но и такое самоограничение...

Когда Герман позвонил, я сперва не поверила собственным ушам и очень глупо переспросила:

– Герман?

Его голос доносился словно из-под воды. В последнее время телефоны вообще работают ужасно. Почему никто за этим не следит? Безобразие.

– Вера. – Раньше он очень редко называл меня по имени. Чаще ласковыми прозвищами, вроде «малыша» или «зайчика». – Вера, я хочу попробовать вернуться. Я больше не могу вот так...

У меня голова пошла кругом:

– Правда? Герман, нам с Оленькой тебя очень не хватает!

– С Оленькой? – Он словно бы удивился.

Мужчины иногда такие смешные.

– Ну да! – Я улыбнулась, хотя он не мог этого видеть, и напомнила: – Это наша дочь.

Послышался какой-то непонятный всхлип. Потом он сказал наконец:

– Да... я возвращаюсь. Вы дома?

– А где же нам еще быть? – удивилась уже я. Ах да, он же не знает. Но это неважно! Я готова была петь и танцевать от восторга: у нас все-таки будет настоящая семья! Большая, теплая, дружная! Ну да, я пока не могу танцевать так, как раньше, и – что делать! – никогда не смогу. Но это ничего, это неважно, в жизни еще так много хорошего...

– Я... скоро приеду, – как-то неуверенно проговорил он.

Наверное, я слишком растерялась, когда он позвонил. Если бы я разговаривала по-другому... Или нет? Герман тоже говорил как-то странно, по-моему, он уже был сломан. Возможно, мне не стоило напоминать ему об Оленьке? А может, сразу стоило предупредить обо всем остальном?

Я отвезла Оленьку в спальню, уложила в кроватку и включила маленький динамик – он транслировал какую-то успокаивающую частоту, неслышную для взрослых, но младенцы засыпали моментально и спали потом здоровым спокойным сном. Совершенно незаменимая штука, особенно когда у малышей режутся зубки или еще что-то беспокоит. Поду-

мать только, ведь и это тоже разработка Корпорации! Все-таки Лев Ройзельман и Гарри Фишер – великие люди, да-да-да! И я готова доказывать это кому угодно и сколько угодно.

Приехав на кухню, я критически обозрела содержимое холодильника. Герман, наверное, голодный, мужчины всегда голодные. Зато я в последнее время стала заправской поварихой, все благодаря видеокурсам WDC. Правда, прямо сейчас мне сложно проявлять свое кулинарное искусство, но в холодильнике что-нибудь сытное непременно найдется.

Я разогрела сочный полуфабрикат бифштекса с луком, поджарила картошку фри – получился настоящий мужской ужин. Ну где же он, тот, кого я буду кормить?!

Наконец-то в дверь позвонили!

Боже, какой Герман был несчастный! Ужасно исхудавший, кое-как причесанный, лицо какое-то серое, измученное, глаза лихорадочно блестят. И – запах. Совершенно недвусмысленный. Он... выпил?

Ну даже если и выпил – и что? Он ведь переживал, волновался, как я его приму. Ну и выпил, почему нет? Главное – он вернулся!

Только смотрел он на меня как-то странно. Как будто не узнавал.

Ну да, я же ничего ему не успела сказать, вот глупая. Конечно, он растерялся. Ну не беда, он поймет, ведь он меня любит. Разве он может не понять, что главное – дети! Дети!!!

– Проходи, любимый, – улыбаясь, сказала я. – Я так ра-

да... Я приготовила тебе ужин. Проходи, ты у себя дома.

Я развернула свое кресло так, чтобы Герман мог войти.

Он перешагнул порог как-то механически, как кукла, которую тянут за веревочки. Я даже испугалась, что он споткнется, потому что он не отрывал взгляда от моих ног. Ну, точнее, не от ног, а от AP, которые на них были и из-за которых мне пока приходилось ездить на кресле-коляске.

Ой, а я не сказала? Какая я глупая!

Когда у меня появилась Оленька – мое сокровище! – я сперва просто сходила с ума от счастья, а потом подумала, что никто ведь не мешает это счастье увеличить. И чтобы сразу – близнецы! Генетический материал у меня (точнее, в Корпорации, но это неважно) оставался с первого раза, ну так в чем проблема? Работать в WDC это не помешало бы, даже наоборот. Я очень хорошо все продумала.

Вот только Германа надо было все-таки предупредить.

– Хочешь взглянуть на дочку? – с надеждой спросила я.

Он как-то странно качнул головой, не то соглашаясь, не то отказываясь, и хрипло спросил, кивнув на обхватившие мои ноги аппараты:

– Зачем?

Сейчас, сейчас я ему объясню, это же очень просто:

– Понимаешь, милый, я хочу, чтобы у нас были близнецы.

Ведь дети – такое счастье! Его ничем не заменишь. Когда ты познакомишься с Оленькой, ты и сам сразу все поймешь.

Но Герман меня, кажется, почти не слышал:

– Как же так... – Он буквально рухнул на стоящий в прихожей пуфик, все еще не отрывая взгляда от аппаратов. – Как же ты будешь?

– Не волнуйся, любимый! – улыбнулась я. – Сейчас сам увидишь. Это теперь не проблема. Корпорация подарила мне суперпротезы. Это новейшая разработка! Ужасно дорогие, говорят, но это неважно, мне их дарят. И они просто великолепны! Они ничем, совершенно ничем не отличаются от моих ног! Я смогу даже танцевать!

– Танцевать? – переспросил он с недоумением.

– Пойдем, я тебе покажу. – Я развернула коляску и поехала в его бывший кабинет. Герман поднялся и пошел за мной. Там возле стола стояли протезы. Выглядело это, конечно, несколько жутковато – словно две оторванные человеческие ноги, которые какой-то маньяк насадил на металлическое подобие тазобедренного сустава. – Я заказала себе таз поуже, – объясняла я, как заправский консультант. – Так что после монтажа моя попа будет выглядеть гораздо сексуальнее, чем была. Нет, они просто само совершенство. И кожа на них не постареет, всегда будет нежная, как у девушки! Да ты сам потрогай, какие они приятные!

Герман издал какой-то сдавленный звук и бросился в ванную. Я поспешила следом, но замешкалась, мне ведь надо было еще развернуться.

Когда я въехала в ванную, он стоял, склонившись над раковиной. Его рвало.

– Милый, ну что ты? Успокойся. Все ведь хорошо, просто замечательно!

Нет, ну в самом деле, что с ним такое? Ах да! Он же выпил, перед тем как ко мне идти! Конечно! Ну ничего, скоро он придет в себя. Я положила ему на плечо руку и нежно погладила. Мне уже были доступны и гораздо более сложные движения!

Но Герман развернулся так резко, словно его укололи, отшатнулся...

...и схватил меня за запястье...

Раздался жуткий хруст, в первое мгновение я даже не поняла, откуда этот звук...

Последнее, что я видела, это искаженное лицо Германа, заносащего надо мной мою же собственную руку. Точнее, мой прекрасный, почти совершенный протез...

16.12.2042. Город.

ЖК «Европа». Жанна

Удобно устроившись в гостиной, я смотрела по телевизору новости. Валентина, к счастью, дома не было. Без него даже кресло казалось удобнее! До чего же мне осточертело притворяться любящей, послушной женой! Притворяться даже тогда, когда он себя ведет как полный идиот. Как никудышная пародия на тирана.

А тиран-то из него, прямо скажем, совсем никакой. Эдакий гротескный тираненок с мелкотравчатым хамством вме-

сто подлинной властности. Да, теперь я понимаю его первую жену гораздо лучше. Похоже, Валентин может существовать только в двух агрегатных состояниях – униженном и облагленном.

Получается, что любая женщина рядом с ним просто обречена стать Вероникой.

Потому что невозможно любить этого бесхребетного мямлю. Раньше-то, поначалу Валентин казался мне чересчур мягким и добрым и потому несчастным человеком. А его жена выглядела настоящей стервой, терроризирующей хорошего человека. Оказалось, сам он ничуть не лучше. Хотя и, безусловно, слабее его бывшей. Но это уже не важно. Впрочем, и никогда не было важным: для меня важен Петр и его еще не родившиеся сестра и брат. И больше ничего.

Надо будет позвонить моей благодетельнице, чтобы узнать, как там Петр. Его взяли в ККК – кадетский корпус Корпорации. Он учится и подрабатывает программированием, такой молодчина! У него большое будущее, сейчас это уже совершенно очевидно. И у его сестренки и братика, я уверена – тоже. Корпорация – это сила.

Забавно. Стоило подумать про силу, сразу захотелось есть.

К счастью, во время квазибеременности Ройзельмана нет никакой необходимости в специальном питании или вообще каких бы то ни было пищевых ограничениях. Ешь, что хочешь и сколько хочешь. Я поехала на кухню и сделала себе

большой сэндвич.

С удовольствием поедая свой кулинарный шедевр (я ведь отличная кулинарка, а для себя и вовсе что ж не расстараться), я рассеянно слушала голос диктора.

Ничего интересного.

В последнее время жизнь вообще замерла, и не только у нас – по всему миру. Все как-то притихли, словно постоянно чего-то боялись. Из их глаз выглядывал иррациональный страх. Люди потеряли самих себя, думала я, мир сошел с рельсов и несется неизвестно куда. Боже, как будут жить наши дети? Наверное, в этот момент в моих глазах плескался тот самый иррациональный страх, о котором я только что думала.

На экране замелькали кадры криминальной хроники:

– Еще одно жуткое убийство в череде подобных преступлений произошло в ЖК «Уютный», – бесстрастно вещал диктор. – Мужчина убил свою жену, оторвав протез ее руки и нанеся им несколько ударов по голове женщины, которая скончалась на месте. Убийца сам вызвал полицию, которая застала его баюкающим свою трехмесячную дочь.

Мужчина, известный в недавнем времени балетмейстер Герман Лабудов, находился в алкогольном опьянении средней степени тяжести. Лабудов объясняет свое преступление страстной любовью к жене. Она, бывшая прима-балерина, а ныне известный общественный деятель Вера Лабудова, была активной участницей Программы, с чем ее супруг так и

не смог смириться. К сожалению, подобный случай – не первый. Ведущие социологи, которых мы просили прокомментировать происходящее, вынуждены с огорчением констатировать, что мышление многих мужчин слишком консервативно, чтобы принять насущную необходимость Программы и благородную жертвенность участвующих в ней женщин. Мы глубоко скорбим о нашей дорогой и любимой Вере и настоятельно просим WDC и другие общественные организации инициировать принятие законопроекта об охране женщин – участниц Программы...

На экране мелькнуло накрытое простыней тело, брызги крови, мужчина, которого полицейские усаживали в патрульный автомобиль...

Сразу после этого включился рекламный ролик от WDC: – Ваш муж на взводе? Не беда! Успокаивающий видеокурс для мужчин вам поможет...

Господи! Это немыслимо! Вера Лабудова была урожденной Кмоторович, родной сестрой моего Валентина. Герман, соответственно, – его зять. Точнее, был его зятем... Проклятье на этой семейке, что ли?

Какая жуть... Собственным протезом...

Мне вдруг подумалось, что я ведь, в сущности, совсем не знаю Валентина. Почему я решила, что он безвольный хлюпик? Даже если это так, то и такие люди способны, пусть из-за собственной слабости, на решительные поступки... Что там говорится про загнанную в угол крысу?

Новости закончились, сразу после рекламы началась музыкальная программа. Я машинально доела сэндвич, думая, что надо позвонить моей благодетельнице.

Но Эдит позвонила сама. И была не на шутку встревожена.

– Ты смотрела новости? – сказала она, даже не поздоровавшись. Впрочем, она никогда не здоровалась.

– Да, – ответила я. – Жуть какая! В себя прийти не могу.

– Оружие, что я тебе дала, держи при себе. Постоянно. Поняла? Ты ценный сотрудник Корпорации, и мы не хотим тебя терять.

– Вы думаете, что Валентин...

– Валентин сегодня ездил... к своему отцу, – тихо сообщила Эдит. Намек я поняла сразу.

– Неужели он хотел...

– Да, – сухо констатировала моя благодетельница. – Именно так. Он хотел вернуться к Веронике. Умолял его простить. Кричал, что ненавидит тебя. Получил отказ и, похоже, пополз в какой-то кабак.

– Боже мой! Он же наверняка вернется пьяным. А в последнее время он стал таким агрессивным...

– Я и говорю – держи пистолет при себе. Все время. Ясно?

– Да, спасибо, я поняла. – Мысль о том, что не так уж я беззащитна, немного меня успокоила. – Как там Петр?

– Замечательно, – порадовала меня Эдит. – Он учится и работает. На следующей неделе мы предоставим ему воз-

возможность навестить тебя.

– Спасибо вам большое!

– Не за что. Береги себя. – И моя благодетельница отключилась.

Ее сообщение задело меня, признаться, сильнее, чем я показывала. Не то чтобы я ждала от Валентина верности, но его желание вернуться к бывшей жене... было в этом что-то неправильное, пугающее. А со мной тогда что?

Он вообще понимает, что закон на моей стороне? Что он не сможет вот так просто развестись со мной?

Хорошо, если понимает...

Ох, нет. Хорошо, если не понимает. А если поймет? Не подтолкнет ли его безнадёжность к безумным поступкам? А тут еще и пример внутрисемейный налицо. Крыса, загнанная в угол, не склонится покорно – бросится.

Достав из шкафа выданный Эдит пистолет, я спрятала его в карман мешковатой домашней куртки.

Валентин пришел очень поздно. Я встретила его в прихожей.

– Где ты был? Почему так поздно? – спросила я, встречая его в прихожей.

– Там-сям, – неопределенно ответил он, раздраженно дергая плечом. – Тебе не кажется, что ты задаешь слишком много вопросов? Что это за тотальный контроль?

– Ты смотрел сегодняшние новости? – настороженно спросила я, хотя сразу догадалась, что он пока ничего не зна-

ет.

– Не смотрел... – буркнул он, – ничего хорошего там все равно не сообщают. Сплошная чернуха и дифирамбы Корпорации. Корпорация и ее вожди непогрешимы, они никогда не ошибаются. Сплотимся вокруг великих Фишера и Ройзельмана... Дрянь какая!

– Хорошо, – успокаивающе проговорила я, вот только во мне самой спокойствия не осталось ни на грош. – Ты сегодня был у отца? Вероника ведь там живет? Или уже съехала? Или ты специально туда поехал?

Он так и не научился врать, дернулся, как-то судорожно пожал плечами и ответил:

– Да, специально. И тебя это совершенно не касается.

Не касается?! У меня помутилось в глазах. Но я взяла себя в руки и, чтобы вернуть его в реальность, довольно спокойно спросила:

– Ты меня больше не любишь? А как же наши дети?

– Это ты меня больше не любишь, – с ходу завопил он. – Ты даже эти цилиндры любишь больше меня.

– Это не цилиндры! – возмутилась я. – Там наши дочь и сын!

– Черт его знает, что там! – снова закричал он. – Да не в этом же дело, разве ты не понимаешь? Я вижу яснее ясного, что ты меня не любишь. И никогда не любила. Зачем я тебе нужен? Для обеспеченной жизни? Или еще зачем-то? Ты ведь не просто так в нашем доме появилась?

Черт! Вот уж прозорливость некстати. Надо его хоть как-то успокоить:

– Разве я плохо относилась к тебе? Разве не заботилась о тебе? Разве не терпела все твои выходки?! – Я слегка повысила голос: так делают собачьи тренеры, чтобы утихомирить, подчинить своей воле выходящих из повиновения псов.

Валентин аж отпрянул:

– Ты не ори на меня! Довольно с меня одной Вероники! Та орала, но хотя бы меня любила!

– А я, значит, не люблю. – Я понизила голос почти до шепота, а интонацию взяла, наоборот, пожестче, на грани сарказма. – А ты, выходит, меня любишь. Потому сам орешь и унижаешь меня, да?

Обычно я куда лучше умею контролировать и ситуацию, и людей. Но после новостей, после разговора с Эдит я была изрядно взвинчена, да и реплика про «не просто так появилась в нашем доме» заставила меня нервничать еще больше. Вид у Валентина был какой-то дикий – жалкий и пугающий одновременно. Он смотрел на меня почти растерянно, шаря руками по стене за спиной, словно ему трудно было сохранять вертикальное положение. Растопыренные пальцы правой руки двигались в опасной близости от стоявшей у зеркала вазы – кажется, это был подарок его бывшего профессора...

Полицию, что ли, вызвать?

Но я сделала еще одну попытку овладеть ситуацией:

– Осторожнее! Ты же на ногах не стоишь. Шел бы спать.

– Заткнись! – взвизгнул он. – Не смей мной командовать!

Или я... – Его пальцы сомкнулись на горлышке вазы...

Не знаю, успел ли он увидеть выхваченный мной пистолет. Как бы там ни было, с реакцией у него всегда было совсем плохо. Я оказалась быстрее. Мне пришлось. Я защищала себя и своих детей.

Валентин еще замахивался, а я уже спустила курок – раз, другой, третий... – все шесть патронов.

Предпоследняя пуля выбила ему глаз.

Последняя ушла в стену, потому что он рухнул на пол.

15.12.2042. Город.

Клиника. Макс

– Она ничего не будет чувствовать. – Пожилой доктор, после ухода Феликса утащивший меня в свой кабинет, повторил эту фразу раз, наверное, десять. Он врал, конечно. Что он мог утверждать, не зная, как оно там на самом деле? И я не знаю. И никто не знает. Он много еще чего наговорил, но я почти не слушал. Думал? Да нет, скорее, ждал какого-то знака свыше, ну, или озарения. Хотя какие уж тут знаки и озарения. Сплошной мрак.

Я сунул распечатанные доктором квитанции в карман, договорился о графике посещения мамы, попрощался и вышел. Ну вот. Теперь Риту обязательно прооперируют. Именно это повторял я себе, стоя столбом в коридоре и не зная,

куда дальше идти.

Легко быть благородным: выбор между добром и злом очевиден для любого нормального человека. Даже если нужно пожертвовать собой. А если – не собой? А если выбор не между добром и злом, а между двумя «злами»?

Где, у кого я прочитал, как отец говорит сыновьям-подросткам: я не могу наказать вас и тем избавить от чувства вины, взрослые люди совершают поступки – и потом живут с их последствиями.

Мысль о том, чтобы вернуться домой, казалась страшнее, чем предложение живьем закопаться в могилу. Домой? Туда, где все напоминает о маме? Мне впервые в жизни захотелось напиться, напиться до беспамятства. Но что толку? Нельзя же напиться на всю оставшуюся жизнь.

Позвонить, что ли, Феликсу, обрадовать? Но я только покрутил в пальцах телефон и сунул его обратно в карман. Не сейчас. Сначала мне надо успокоиться. Смириться с тем, что произошло. Взрослый человек совершает поступки, а потом живет с их последствиями. С памятью об этих поступках – в первую очередь.

Я отправился на стоянку, где оставил свой «кубик». На улице заметно потеплело, небо стало ниже, по нему тяжело плыли рыхлые облака. Судя по всему, скоро начнется снегопад. Я сел за руль, но с места тронулся не сразу. Куда ехать-то? И что вообще делать? Как жить дальше?

Иногда мне кажется, что в мире есть кто-то или что-то,

что управляет нами, направляет нас, одобряет или осуждает наши действия. Бог, судьба, фатум, рок или что-то еще – не могу сказать.

Или, как минимум, что в мире все взаимосвязано значительно сильнее, чем кажется нам. А мы частенько проскакиваем перекрестки и развилки судьбы (налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – себя потеряешь), даже не замечая их.

Если бы я не медлил так на стоянке, если бы сразу выехал... или если бы был в своем всегдашнем благодушном настроении...

...наверняка я бы и внимания не обратил на двух дюжих санитаров, загружавших носилки с пациентом в машину.

Но мои чувства теперь обострились до крайности, восприятие было ясным и отчетливым, как часто бывает в самых критических ситуациях, когда мозг и тело работают то ли отдельно друг от друга, то ли наоборот – обретают немислимую в обычной жизни синхронизацию. Мне это очень хорошо знакомо – не раз и не два испытывал на работе.

Вот и сейчас я сразу же заметил, что фургон не был ни «Скорой помощью», ни реанимобилем. Обычный фургон, серого цвета, без окон. В таких возят почту или товары с доставкой на дом, но никак не больных. А ведь эти парни пытаются засунуть носилки с лежащей на них девушкой именно в этот серый фургон. А потом я обратил внимание на носилки и обмер – там лежала Рита.

В голове что-то щелкнуло. Я перестал задумываться. Спущенная с тетивы стрела не задумывается – она неукоснительно стремится к цели. Ее ведет не размышление – импульс. Или судьба.

Тронув «кубик» с места, я почти сразу же затормозил, прекрывая выезд со стоянки.

«Санитары» (я уже не верил, что это санитары, да и видок у них был не сказать чтобы медицинский), заметив меня, остановились, и быковатого вида парень примерно моих лет с нескрываемым вызовом буркнул:

– Чё надо? Освободил выезд, слышь!

– Вы куда ее грузите? – спросил я довольно спокойно (стрела не нервничает, не психует – она просто летит к цели).

– Тебя это колышет? Отвалил с дороги, кому сказал!.. – с вызовом ответил «бык».

«Санитары» опустили носилки прямо на землю. Напарник «быка» встал рядом, сунув руки в карманы и сильно горбясь. Он был худой, жилистый, с нездоровой, землистой кожей. Бабушки у подъезда, вероятно, считали его наркоманом. И не исключено, что они были абсолютно правы.

– Ее должны были оперировать, – все так же спокойно сказал я. – Здесь, в больнице. Куда вы ее везете?

– Не твое дело, – злобно цыкнул худой, а «бык» решительно шагнул вперед и добавил с вызовом:

– Слышь, фраерок, канал бы ты...

Тот, кто рубит, заведомо не уверен в своей правоте. По-

хоже, я не зря вмешался (хотя еще неизвестно, я ли вмешался: по-моему, мной двигали не собственные соображения, а какие-то посторонние, высшие силы).

«Бык» даже не сообразил, откуда ему прилетело в переносицу, но болевой шок (когда ломают нос, человек действительно чувствует, как «искры из глаз посыпались», вплоть до потери сознания) моментально вывел его из игры. «Наркоман» все-таки успел вытащить из кармана нечто, оказавшееся полицейским тазером⁴, но я ударом ноги выбил «игрушку», а вторым ударом вырубил и самого «наркомана». Из машины рванулся водитель, тоже с тазером на изготовку, но тут все было еще проще, я прыгнул вперед и провел самую элементарную подсечку. А пока он неуклюже падал, добавил по затылку. Теперь диспозиция обрисовалась такая: «бык» сидит на асфальте, прижав руки к лицу, и воет, «наркоман» и водитель смирнехонько лежат в отключке.

---

⁴ Тазер – электрический разрядник контактного действия, несколько напоминает электрошокер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.